

НЕОПОЗНАННЫЙ
ХОДЯЧИЙ ОБЪЕКТ

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова
Неопознанный ходячий объект
Серия «Анфиса и Женька», книга 4

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121231
Неопознанный ходячий объект: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-07617-4*

Аннотация

Подружкам Анфисе и Женьке приключений искать не надо. Они сами их находят. Казалось бы, в такой глухомани, куда занесло подруг, вообще ничего не происходит, ан нет: три убийства кряду при очень загадочных обстоятельствах, черные мессы на заброшенной мельнице, леденящий душу вой с болот и – масса подозреваемых. Только вот улик-то маловато. А когда улики появляются, то подругам они вроде уже и ни к чему: преступники-то – вот они, стоят рядом и нагло усмеваются...

Содержание

Татьяна Полякова

4

Конец ознакомительного фрагмента.

93

Татьяна Полякова

Неопознанный ходячий объект

– Это черт знает что такое! – заявила Женька, и я удрученно кивнула в знак согласия. – Что он себе позволяет? – продолжила подружка. – Нет, спускать такое с рук никак нельзя, себе дороже.

Я вздохнула и даже шмыгнула носом от обиды и отчаяния, потому что Женька была права по всем статьям: и с рук спускать нельзя, и себе дороже. Однако Женьке хорошо говорить, а каково мне, ведь речь идет о моем муже? Роман Андреевич, бравый полковник спецназа, в самом деле время от времени позволял себе... я хочу сказать, иногда он вел себя как распоследняя свинья, прошу прощения... Взять, к примеру, вчерашний случай. Разумный человек сначала бы выяснил, в чем дело, а уж потом бы начал столы кувыркать, хотя, по моему мнению, разумному человеку столы кувыркать вовсе ни к чему. Впрочем, зная характер мужа, стоило предупредить его, что я иду в ресторан с двумя типами, то есть не я иду, конечно, мне-то они даром не нужны, идет Женька, а я ее сопровождаю. Но подружка сказала, что предупредить Ромку не стоит, не то он непременно разволнуется и начнет воспитывать, лучше, мол, сходим по-тихому, он даже ничего не узнает. По-тихому не получилось, то есть получи-

лось совсем наоборот, даже очень громко, так что лучше бы он нас воспитывал, а не столы в ресторане кувыркал.

Вспомнив об этом, я пунцово покраснела и тяжело вздохнула уже который раз за утро. Женька, нахмутив брови, посмотрела на меня и заметила:

– Гнать его надо. В шею.

– Как это? – испугалась я. Прежде всего сама идея показалась мне крайне сомнительной в плане претворения ее в жизнь: Роман Андреевич – мужчина очень крупный, и гнать его в шею весьма затруднительно. А потом, что значит «гнать»? – Ну не разводиться же мне с ним? – испуганно спросила я и даже поежилась.

Конечно, Ромка иногда ведет себя ужасно, потому что патологически ревнив. Хотя с какой стати ему ревновать, а главное, к кому, я постигнуть не в состоянии. Тут я невольно поморщилась и вдруг подумала: «Вечно я иду на поводу у подружки, от этого все мои неприятности», – тут же устыдилась такому предательству по отношению к Женьке и ни с того ни с сего заревела.

– Анфиса, – протянула Женька, обняла меня и тоже заревела. – Ну, что ты? Помиришься ты со своим Ромкой, нашла о ком слезы лить.

– Дело не только в этом, – прохныкала я.

– А в чем?

– Во многих вещах. Из-за его выходки ты лишилась...

– Наплюй, – перебила меня подружка и махнула рукой. –

Найду еще спонсоров, а не найду – не велика потеря, мир вполне способен выстоять и без моих рассказов о собаках и кошках.

– А стыдно-то как, Женечка, – всхлипнула я.

– Подумаешь, покидал мужик столы. Если уж быть точным, пострадал всего один стол. Наш. И Ромка за все расплатился. А эти хмыри в ресторане пусть не делают вид, что такое им в диковинку. В этом кабаке в прошлом году Жора Самсонов пальбу устроил. Народ натурально залег, а Жорка полтора часа держал оборону и даже орал: «За Родину, за Сталина», когда спецназ вызвали.

– Мне Ромочка рассказывал, – кивнула я.

– Ну... Жора немного отдохнул в психушке и сейчас в «Лютеции» любимый клиент.

– При чем здесь психушка? – испугалась я.

Женька только рукой махнула.

– Ромку твоего в психушку не отправят, он же не орал: «Родина-мать зовет» – и стрельбу тоже не устраивал, хотя, если б кто поинтересовался моим мнением, я б посоветовала твоему муженьку валерьянку пить. Лучше ведрами. Уж очень он у нас возбудимый.

Мы дружно вздохнули и замолчали.

Я жалобно взглянула на Женьку и вздохнула еще раз, выходило, что подружка пострадала больше всех. И хоть она сейчас храбрится, но наверняка здорово переживает. Дело в том, что Евгения Петровна пишет рассказы, главными героя-

ми коих являются животные, и печатает их в воскресных номерах газеты, в которой работает уже лет пять. Ее произведения печатались под рубрикой «Окно в природу». Рассказов накопилось уже немало, и Женька решила выпустить их отдельной книжкой. Я активно поддержала эту идею и предложила свою помощь. Если честно, мне хотелось сделать Женьке подарок: издать на свои средства книгу тиражом экземпляров в триста, зато на хорошей бумаге и с иллюстрациями местного художника Петровского, который тоже очень любил животных... Но подружке моя идея пришлась не по вкусу.

– Издавать книжку на свои деньги – это белая горячка, – сурово отрезала она. – Если ты решила потратиться, лучше на день рождения резину мне купи. Лето, а на моей тачке ездить нельзя, менты цепляются. А чтоб книжку издать, я спонсоров найду, можешь не сомневаться.

В Женьке я никогда не сомневалась, подарила ей комплект резины, а она занялась поисками спонсоров, и таковые в самом деле не замедлились объявиться. Женька позвонила мне накануне и похвастала:

– Слышь, Анфиса, дело, считай, в шляпе. Один хмырь готов раскошелиться. Соловьем пел... Но ты должна мне помочь. У хмыря друг совершенно помешался на детективах, причем на твоих в особенности. Просто жаждет познакомиться. Я так думаю: если мы правильно себя поведем, мои рассказы выйдут на мелованной бумаге в сафьяновом

переплете. – Если честно, местоимение «мы», употребленное Евгенией Петровной, меня насторожило, но возражать я не рискнула, утешив себя мыслью, что нет ничего плохого в том, чтоб познакомиться с каким-то хмырем, то есть другом хмыря, и тем самым помочь подруге. – Короче, сегодня вечером идем в «Лютецию».

– Я не могу, – запаниковала я, – Роман Андреевич...

Но подружка сурово перебила:

– Роман Андреевич сегодня дежурит, так что не вкручивай...

– Хорошо, – пошла я на попятный, – я с ним поговорю.

– Еще чего, он сто предлогов изобретет, чтоб тебя из дома не выпустить.

– Ничего подобного, – попробовала я вступить за мужа, но Женька вновь перебила меня:

– Не вздумай ему рассказать. И помни, ты моя самая близкая подруга и просто обязана думать о моем благополучии. Так что Ромке о ресторане помалкивай, подгребай к шести часам к зданию цирка, там мы тебя и заберем.

Мы тепло простились, но через пятнадцать минут Женька опять позвонила, и мы стали совещаться: что надеть вечером и какую следует сделать прическу. Впрочем, вопрос о прическе касался только меня, свои волосы Женька месяц назад обкорнала, так что теперь могла о них не беспокоиться до тех пор, пока они хоть немного не отрастут. Волосы, в знак протеста против различного рода истязаний, на Жень-

киной голове произрастали весьма неохотно. Должно быть, с отчаяния она взяла да и выкрасила те, что еще украшали ее макушку, в синий цвет и стала выглядеть сногшибательно в буквальном смысле слова. Так что когда Женька, рассказывая об очередном своем знакомом, произносила фразу «Он совершенно остолбенел», мне и в голову не приходило усомниться в этом.

Мы благополучно закончили переговоры, и в 18.00 я появилась возле здания цирка, где меня поджидал роскошный «БМВ», из которого вышли двое молодых мужчин и моя подруга. Мужчины выглядели абсолютно счастливыми и рассыпались в комплиментах. Занятая знакомством и улыбками, я совершенно не обращала внимания на то, что происходит по соседству. И совершенно напрасно, как выяснилось. По соседству в тот момент проезжал Роман Андреевич и мог наблюдать с расстояния в несколько метров, как я загружаюсь в «БМВ» с помощью молодого человека, который демонстрировал свой восторг моей персоной со всей страстью души, на какую только был способен. Супруг, забыв об очередном боевом задании, проследовал за нами до «Лютеции». Не успели мы устроиться за столом, как в зале возник Роман Андреевич, и... вспоминать, что было дальше, совершенно не хотелось. Ромка вел себя как неандерталец, не обращая внимания ни на мои объяснения, ни на Женькины отчаянные вопли. Но это еще не все. Он привез меня домой и там устроил повторный скандал. Говорил мне гадости, топал но-

гами (у нас третий этаж, а у Ромки – комплектация). Бедные соседи под нами наверняка решили, что началось землетрясение. И только когда я в отчаянии запустила в него чайником, согласился выслушать мои объяснения. Тут подросла Женька, которая все это время утешала пострадавших бизнесменов и своих несостоявшихся спонсоров, и слово в слово повторила то, что десять минут назад поведала я.

Немного успокоившись, но все еще подозревая нас во всех смертных грехах, Роман Андреевич принялся за наше воспитание, но ногами не топал, и это было уже хорошо. Однако, как всегда в таких случаях, муженек перегнул палку, и очень скоро я начала чувствовать себя не виновницей семейной ссоры, а жертвой чудовищного насилия со стороны тирана-супруга, и мы вновь принялись скандалить. Женька убеждала, я лишилась поддержки, и в результате Роман Андреевич запер меня в ванной, как он заявил, «до полного прояснения в мозгах». Я была выпущена только около полуночи, после чего сама заперлась в спальней, пригрозив, что, если Роман Андреевич не прекратит ломиться в дверь, я воспользуюсь балконом, чтобы перебраться к соседям. Мы с мужем неплохо знали друг друга – он уговорился, и я смогла лечь спать. А проснувшись утром, обнаружила себя запертой в квартире, причем ключи мои из сумки исчезли.

Я сразу же позвонила Женьке, и она согласилась со мной, что это черт знает что и надо бороться. Воспользовавшись балконом соседей (сказать по чести, это было и не трудно, и

не опасно), я смогла вырваться на волю. Женька поджидала меня во дворе на своих «Жигулях», мы обнялись, всплакнули и поехали к ней – думать, как жить дальше, что и делали до сих пор.

Наше молчание несколько затянулось, мы обменялись взглядами, и Женька мрачно заявила:

– Если ты его простишь, как следует не помучив...

Я испуганно моргнула и машинально схватилась за сердце, но нашла в себе силы проявить твердость.

– Думаешь, я должна подать на развод? – леденея от своей решимости, а заодно и от отчаяния, спросила я. Если честно, разводиться с Ромкой мне не приходило в голову, даже в самые неприятные минуты нашей совместной жизни. На мой взгляд, у мужа имелись неоспоримые достоинства, которые перевешивали кое-какие недостатки. Женька тоже моргнула, дернула плечом и потерла нос, после чего ответила:

– Ну... проучить его все ж таки надо.

– Надо, – согласилась я, и мы уставились друг на друга в ожидании дельных предложений.

Тут выяснилось, что у меня их нет и у Женьки, судя по всему, тоже. Это тут же сказалось на нашем энтузиазме, мы загрустили, начали вздыхать все чаще и горше и поспешно отводили глаза друг от друга.

– Да-а, – неопределенно заметила Женька, а я вдруг подумала, может, не стоило мне сбегать из квартиры через соседский балкон? В конце концов, я могла бы немного поси-

дочь в квартире, заодно занялась бы уборкой, давно собиралась... А Ромка, вернувшись с работы, непременно бы по добрел. А если б я еще на жизнь пожаловалась да заревела, и вовсе стал бы каяться, сделал бы для меня что-нибудь приятное, например, взял бы недельный отпуск, и мы поехали бы вдвоем куда-нибудь отдохнуть, погода, кстати, очень к этому располагает.

Однако высказывать крамольные мысли вслух я не рискнула, Женьке это вряд ли понравится. Опять же, подружка права, Ромка ведет себя по-свински, лишь только дело касается мужчин. А самое неприятное – начинает действовать прежде, чем я успеваю что-то объяснить. И хотя в этот раз Женькины спонсоры не очень-то пострадали, я имею в виду увечья. В основном пострадали их костюмы, но об этом горевать глупо, в конце концов, люди они не бедные и недостатка в костюмах не испытывают.

Тут у меня зазвонил сотовый, мы с Женькой разом вздрогнули и уставились на телефон, который лежал на столе рядом с сахарницей.

– Это он, – почему-то шепотом сказала подружка, я взглянула на экран, где высветился номер, и согласно кивнула:

– Он.

– Выключи, – заволновалась Женька. Мой телефон прекратил дребезжать, зато сразу зазвонил Женькин. Подружка не шелохнулась, испуганно косясь на перламутрово-зеленый аппарат, тут включился автоответчик, и мы слышали Ром-

кин голос.

– Женька, – рявкнул муженек, – Анфиса у тебя? Я сейчас подъеду. И не вздумайте дурака валять, не то мало не покажется.

– Что же делать? – пролепетала я, тоже переходя на шепот.

– Бежать, – заявила Женька и устремилась к окну. Честно говоря, я здорово испугалась, потому что у Женьки третий этаж. Но оказалось, что подружка просто обзревает двор, желая убедиться, что Роман Андреевич еще не появился там. – Собери самое необходимое, – зашептала она.

– В каком смысле? – растерялась я, Женька нахмурилась, должно быть, злясь на мою бестолковость, вновь выглянула в окно и принялась чертыхаться:

– Вот он. Опоздали.

Мы бестолково метались по Женькиной кухне, пока подруга, ухватив меня за руку, не бросилась прочь из квартиры, но побежали мы не вниз, что было бы неразумно, раз мы не собирались встречаться с моим благоверным, а понеслись вверх по лестнице. Дом у Женьки пятиэтажный, и вскоре мы достигли пятого этажа.

– На чердак, – скомандовала она, и через пять минут, прильнув к чердачному окну, мы с некоторым трудом смогли разглядеть машину Романа Андреевича, которую он бросил возле мусорных баков. – А тачка смотрится неплохо, – немного невпопад заметила подружка. – Что значит новая.

– У тебя тоже новая, – напомнила я.

Женька нахмурилась:

– Была.

Конечно, после двух столкновений с воротами гаража, в который Женька пыталась заехать, назвать ее машину совсем новой язык не поворачивался, но с предыдущей Женькиной машиной было еще хуже, так что с этой ей, считай, повезло.

– Хорошо, что я тачку в гараже оставила, – пробормотала Женька, чутко прислушиваясь к тому, что происходило в подъезде. – Может, этот гад решит, что нас нет дома? Как думаешь, он дверь не будет выламывать?

Я подумала, что Женьке не мешало бы выйти замуж и вдоволь называть гадом своего мужа, но промолчала, лишь сведенными бровями и неодобрительным взглядом давая понять, что направление, которое принял наш разговор, мне не по душе. Тут хлопнула подъездная дверь, и через минуту мы смогли лицезреть Романа Андреевича, который вышагивал к своей машине.

– И ничего он выламывать не собирался, – удовлетворенно заметила я, хотя за пару секунд до этого клясться в том ни за что бы не стала.

– Слава богу, – вздохнула Женька. – Дверь у меня хлипкая, и, по большому счету, ее не жалко, пусть бы крушил на здоровье, но ведь потом мороки... Ну что, раба божья Анфиса, потопали?

– Куда? – поинтересовалась я.

– Не знаю... – Женька еще раз выглянула в чердачное окно. Роман Андреевич как раз покидал двор. – Ромка твой хоть и без царя в голове, но жутко хитрющий, ему ничего не стоит занять позицию где-нибудь по соседству, чтоб хорошо просматривалась дверь подъезда, и выследить нас.

– Что же делать? – испугалась я, перспектива сидеть целый день на чердаке меня совершенно не прельщала.

– Пойдем через третий подъезд, – скомандовала Женька, – и сразу в кусты.

– Какие кусты? – Не знаю, что на меня нашло в тот день, но соображала я в самом деле неважно.

– Анфиса, соберись! – рявкнула подружка. – Кусты рядом с подъездом, уходим через парк. В гараж за тачкой заходить нельзя, он нас там может перехватить, значит, будем прорываться к остановке.

– А что потом, Женечка? – проблеяла я.

– Потом я еще не придумала. За мной.

Чихая от поднятой нами пыли, мы прошли к третьему подъезду и выбрались на лестничную клетку. Немного поглазели в окно, впрочем, без всякого толка, после пятиминутной подготовки, покинув подъезд, юркнули в кусты и что есть духу припустились к остановке.

Ромкиной машины видно не было, это меня успокоило, я перестала втягивать голову в плечи и даже рискнула спросить:

– Куда теперь?

Женька, сидя в тени афишной тумбы, размышляла никак не меньше пятнадцати минут.

– Ни к кому из девчонок тебе нельзя. Найдет. Слушай, Людка говорила, что у нее родители на дачу укатили, на все лето.

– Говорила, – кивнула я.

– Вот и отлично. Значит, квартира пустует, у нее и спрячемся.

– Тебе-то чего прятаться? – с легкой обидой заметила я.

– Если Ромка меня поймает, я могу проболтаться, – мрачно заметила Женька. – У каждого человека есть запас прочности. Свой я еще не проверяла, и, честно говоря, даже не хочется, если будут допрашивать с пристрастием, боюсь, могу не выдержать.

– Кто тебя будет допрашивать? – перепугалась я.

Женька задумалась, потом махнула рукой и заявила:

– Звони Людке на работу.

Людка поначалу нам обрадовалась, потом растерялась, а затем начала волноваться.

– Да что случилось-то? – испуганно воскликнула она, Женька отобрала у меня трубку и начала излагать:

– Ромка вчера поколотил моих спонсоров, Анфиса на него сильно осерчала и решила наказать. Но ты же Ромку знаешь, если Анфиса вступит с ним в контакт, с его воспитанием очень скоро будет покончено, потому она должна держаться от него подальше. Мы тут прикинули: самое подходящее для

этого место – квартира твоих родителей. Ромка о ней точно не знает. Мы укроемся там на пару дней. Думаю, за это время в мозгах у него прояснится, он все осознает, а мы сможем вернуться домой.

– Хорошо, – согласилась Людка, – подъезжайте к пяти часам.

Мы трижды сказали «спасибо» и отключились, а потом загрустили. До пяти было еще довольно много времени. Поразмышляв немного, мы отправились в парк культуры и отдыха, где с приятностью провели часа полтора и даже смогли пообедать в кафе под открытым небом.

– У Ромки твоего совещаний не намечается? – некоторое время сосредоточенно над чем-то поразмышляв, спросила Женька.

– Завтра, в девять утра, – пожалала я плечами, гадая, зачем ей Ромкино совещание.

– Это хорошо. Мне на работу прорваться надо. Предупредить, чтоб не ждали, и все такое. Еще и причину надо придумать... Хорошо бы творческую командировку.

– Думаю, ты преувеличиваешь. Не будет тебя Ромка целыми днями выслеживать. А на звонки не отвечай, попроси кого-нибудь брать трубку и спрашивать, кто тобой интересуется.

– Как же, с твоим Ромкой этот номер не пройдет, – покачала головой подружка.

– Не драматизируй, – нахмурилась я, – он обзвонит всех

наших и уgomонится, будет названивать на мой сотовый, пока я не отвечу.

– А ты когда отвечать думаешь?

– Дня через два, – трезво оценивая свои силы, заявила я.

Но вскоре стало ясно – двумя днями никак не обойтись. К тому моменту Роман Андреевич развил бурную деятельность, буквально терроризируя моих подруг. Когда позвонила Верка с рассказом, как Ромка ворвался к ней в магазин и учинил форменный скандал, я расстроилась. А после четвертого звонка уже пылала праведным гневом и поклялась, что подобные выходки очень дорого ему обойдутся, и увеличила срок до недели, а потом в приступе отчаяния и до двух недель. Тут Женька меня остановила, посоветовав не увлекаться.

Мы взяли такси и поехали к Людкиным родителям. Сама Людка поджидала нас, сидя на балконе. Она вручила нам ключи и уехала, так как торопилась в детский сад за дочкой, а мы с подружкой сели пить чай на кухне. Разговаривать мне не хотелось, и я по большей части молчала, время от времени односложно отвечая на Женькины вопросы.

– Чего нос повесила? – спросила она.

– А чему радоваться? Из дома я через балкон сбежала, и теперь у меня даже одежды нет.

– Я тебе свою одолжу, – ошастливила меня Женька, а я закатила глаза, демонстрируя бурный восторг и заодно пытаясь вспомнить, что из Женькиных вещей я могла бы на-

деть без того, чтоб самой себе не казаться чокнутой. Вкусы у Женьки такие, что облачиться в ее тряпки мог только человек совсем отчаянный. Подружка с синим цветом волос чувствовала себя совершенно естественно, а одеваться предпочитала «оживленно», причем до такой степени, что в глазах рябило.

В общем, жизнь не особенно радовала не только меня, но и Женьку. Мы попробовали смотреть телевизор – не помогало. Порылись в чужой библиотеке, в основном состоящей из любовных романов. Подружка выбрала «Джейн Эйр» и стала читать роман вслух. Наверное, ей стоило остановиться на другом произведении. Вместо того чтобы отвлечься и на некоторое время забыть, с какой такой стати я сижу в чужой квартире и тоскую, я вдруг мысленно вернулась к нашей с Романом Андреевичем совместной жизни, и она мне показалась чистым сахаром. И чем дальше Женька читала, тем сахарнее она становилась, так что сам Роман Андреевич представлялся мне прекраснейшим молодым человеком без намека на недостатки, душевным, чутким и страдающим из-за моей черствости и нежелания его понять. Я совершенно неожиданно заревела, потому что теперь сидение в чужой квартире казалось не только глупым, но и преступным (это ведь преступление – разбить сердце достойнейшему человеку), и Женька вдруг тоже заревела, обняла меня и сказала:

– Вот за что я люблю тебя, Анфиса, так это за чуткую душу: ты можешь переживать чужое страдание как свое. Не

многие теперь на такое способны. – Подружка вздохнула и, давась слезами, принялась читать дальше, а я заревела еще горше, потому что после Женькиных слов поднимать вопрос о возвращении к Роману Андреевичу было как-то неловко.

Однако где-то в половине двенадцатого, когда подуставшая Женька закончила чтение и начала готовиться ко сну, я пробралась в ванную с сотовым в кармане и, включив воду, чтоб подружка меня не слышала, позвонила домой. Автоответчик моим голосом сообщил, что хозяева отсутствуют.

– Ромка, – позвала я, – возьми сейчас же трубку.

Ответом мне было молчание. Несколько обескураженная, я набрала номер сотового мужа и узнала, что он находится в зоне недоступности. Интересно, где эта самая зона. Забыв о конспирации, я точно фурия вылетела из ванной и завопила:

– Его нет дома!

– Естественно, – ничуть не удивилась Женька ни моему появлению из ванной, ни отсутствию Романа Андреевича. – Он носится по городу и ищет тебя.

– У него сотовый отключен.

– Если он весь день в бегах, вполне возможно, что он забыл его подзарядить.

– Ничего подобного, он делает это нарочно.

– Ты думаешь? – нахмурилась подружка. – Бегаёт по городу и вместе с тем от тебя прячется?

– Вот именно. Ты Ромку плохо знаешь, это такой иезуит! – с отчаянием воскликнула я и примерно час рассказы-

вала Женьке о возмутительных чертах характера мужа до тех самых пор, пока не заметила, что та, повернувшись на правый бок, спит, сладко посапывая.

Я вздохнула и улеглась рядом с ней, но уснула лишь под утро, сон мой был чуток и облегчения не принес. В половине девятого Женька отбыла в родную редакцию, а в двенадцать уже вернулась с внушительного вида чемоданом в руке.

– Вот, – сказала она, поставив его посреди прихожей, – собрала нам кое-что. Думаю, даже на двоих барахла вполне хватит. Рядиться особо не придется, потому что мы с тобой отправляемся в российскую глубинку. Ты начнешь писать бестселлер, а я пару статей забациаю.

– В какую глубинку? – насторожилась я.

– В Липатово.

Название ничего моему разуму не говорило.

– А где это?

– В ста двадцати километрах от нашего славного города, и при этом сплошь глухие леса и болота.

– А зачем нам в Липатово? – усомнилась я в надобности моего присутствия среди лесов и болот.

– По большому счету делать там, конечно, нечего, – почесав в затылке, сообщила Женька. – Но, во-первых, не худо проветриться и ненадолго убраться из города, чтоб твоего Романа Андреевича в чувство привести, во-вторых, сейчас в моем бизнесе мертвый сезон: выборы прошли, народ по дачам разъехался и ни о чем, кроме нового урожая, слышать

не желает. В это время хорошо идут рассказы о всякой чертовщине, переселении душ, НЛО и прочее.

– А что, в этом Липатове НЛО приземлился или кто-то переселился?

– Может, и не НЛО, но чертовщина там точно водится. В редакцию оттуда письма идут с регулярностью часового механизма. И одно другого затейливее. Сегодня опять депешу получили, меня начальство командирует разобраться с чертовщиной, так сказать, на месте.

– И что? – не очень уверенно спросила я.

– Анфиса, – вздохнула Женька, – чего на тебя опять накатило? Я имею в виду бестолковость. Начинаю думать, что это врожденное.

– Вот сейчас получишь по носу, – рассвирепела я, – и думать вовсе перестанешь.

– Ладно, не злись, – смилостивилась подруга, – ехать так и так придется. Говорю, сейчас не сезон, а газетка наша выходит регулярно, и ее надо чем-то заполнять. Хочешь не хочешь, а глубинки не миновать. Так чего ж мне одной страдать, давай за компанию.

С моей точки зрения, страдать за компанию было довольно глупым занятием, с другой стороны, коварство Романа Андреевича рождало в душе оторопь. А если я продолжу сидение в чужой квартире, да еще в одиночку, надолго меня не хватит, начну звонить супостату, а то и того хуже: домой поеду. И вместо воспитательного мероприятия выйдет черт

знает что. Женька права, надо ехать. День, два я способна выдержать в глубинке, опять же природа и погода располагают, а больше двух дней Женьке не понадобится, чтоб разобраться с чертовщиной.

Воодушевленная такими соображениями, я кивнула и заявила:

– Едем в глубинку.

– Отлично, – невероятно обрадовалась Женька. Как видно, идея путешествовать в одиночку ее совершенно не прельщала.

– Когда отправляемся? – уточнила я.

– Сейчас. Я на машине. Загружаемся в мою тачку, завезем Людке ключи – и вперед, навстречу мечте.

– Какой мечте? – нахмурилась я.

– Ладно, Анфиса, – опять вздохнула Женька, – собирайся.

– Интересно, что ты имеешь в виду, – съязвила я, – раз у меня вовсе ничего нет.

– Ты, главное, подзарядное устройство от телефона не забудь, не хотелось бы остаться без связи.

Женькина машина стояла под окнами. Я покосилась на чемодан, который она с трудом приволокла в квартиру, и задала вполне здравый вопрос:

– Почему ты его в машине не оставила?

– А вдруг сопрут! – нахмурилась подруга. – Машину свистнут, так хоть барахло останется.

Я покачала головой и первой вышла из квартиры, игнори-

руя чемодан, хоть и предполагалось, что вещи в нем собраны на двоих. Жалобно вздыхая, подружка плелась следом, била себе чемоданом по щиколоткам, время от времени тоненько охая, но я осталась глуха к чужим мольбам.

Наконец мы пристроили чемодан в багажник и поехали к Людке на работу, чтобы вернуть ключи. Мы поведали ей о творческой командировке и ровно через полчаса покинули город.

Путешествия меня всегда вдохновляли, я наблюдала мелькающий за окном пейзаж, стараясь не раздражаться Женькиной манерой водить машину, и размышляла о красотах среднерусской природы.

Женька некоторое время помалкивала, потом толкнула меня в бок и заявила:

– Не спи. Лучше письмо прочитай. Оно в «бардачке».

Потратив пять минут на поиски, я смогла-таки обнаружить конверт, на котором было наклеено с десятков марок, причем так затейливо, что адрес с трудом уместился на оставшемся пространстве. Конверт выглядел изрядно помятым, к тому же имел странный желтый цвет, а когда я стала изучать его внимательнее, выяснила, что некоторая желтизна скорее всего имела место от древности, так как конверт был произведен восемнадцать лет назад. Это меня немного озадачило, и я не без трепета извлекла листок бумаги в клеточку, исписанный крупным округлым почерком. Ни знаков препинания, ни заглавных букв автор не признавал, так же

как и правописания, поэтому я потратила довольно много времени, постигая содержание послания.

«Уважаемая редакция. Пишут вам жители села Липатова, газет у нас никто не выписывает, потому что дорого и до нас все равно ничего не доходит, так как с нашей стороны мост снесло, о чем мы сообщали в предыдущем письме, а с другой стороны – район не наш и тамошнее начальство говорит, что раз мы не ихние, так никто нам не обязан почти доставлять, потому что почта у нас своя, и в самом деле так и есть, почта в селе Заручье, но к нему как раз через мост, а он с прошлого половодья уплыл, то есть его этим самым половодьем снесло, и мы теперь, можно сказать, отрезаны от цивилизации. Телевизор тоже не кажет, не совсем, конечно, врать не будем, иногда кое-что просматривается по первому каналу, но, когда есть картинка, нет звука, так что самим приходится додумывать, в чем там дело, и не всегда угадываем, хотя некоторые наши жители здорово поднаторели, и у них получается даже интереснее, а когда звук пробивается, картинка исчезает, и тогда новости мы слушаем, но смотреть кино нет никакой возможности, и наши бабы уж который месяц в недоумении, что там в любимом сериале происходит, раз все говорят одинаковыми голосами. Мнения разделились, а решить, кто прав, трудно, хотя летом это много проще, чем зимой, потому что летом приезжают городские и у них можно спросить. Но и город-

ские у нас из-за моста теперь редкость, а если кто приезжает, так мужики на рыбалку или охоту, а они в сериалах мало что смыслят, и толку от них никакого. К начальству мы обращались, но нам сказали, сигнал не доходит, потому что мы далеко – и раньше он шел из соседней области, а сейчас не идет, потому что у них что-то там сгорело, и свои без сигнала сидят, так что не до нас. Правда, приезжал к нам перед голосованием Коробочкин и обещал сигнал дать и мост наладить, мы все дружно за него проголосовали, но пока нет ни того ни другого, хотя времени прошло не так уж много и надежды мы не теряем. Но обращаемся мы к вам совсем по другой причине. В связи с тем, что в нашей деревне наблюдается некоторая оторванность от окружающего мира, участились случаи разгула нечистой силы. Она нас и раньше изрядно донимала, а сейчас нет никакой возможности жить спокойно, шастают чуть ли не днем и почти что по домам. У бабки Анны лешак сожрал всех кур, живет в бане, которую по этой причине топить не дает, а чуть что грозитя спалить деревню. Мужики не могут в лес отлучиться, пропадут дня на три, а Василий неделю отсутствовал и до сих пор не отошел от белой горячки, потому что его с утра до вечера спаивали русалки. Но Василий легко отделался, а вот осенью были приезжие из Москвы, так сгинули все четверо и по сию пору не найдены, только машина их стояла, пока в апреле месяце ее наконец не забрали московские родственники. Зимой было тихо, а с весны

опять началось. Участковый хотел разобраться, пошел на болото, хоть мы одному идти не советовали, но не послушал, и ничего хорошего из этого не вышло. Поутру нашли его с пробитой головой и в беспамятстве. С той поры он все больше молчит, а за околицу выходить опасается. Третьего дня ушел сосед в лес присмотреть кое-что по плотницкой части, так как хотел строить баню, и вернулся только сегодня и тоже в белой горячке. А с болота ухнет и колокол бьет, люди видели огни, и ночью хоть лезь в погреб, до того страшно. В деревне нас осталось пятнадцать человек. И так как мы теперь всеми покинутые, вся надежда, что приедет из города грамотный человек и наведет здесь порядок. Ждем помощи, посылаем сигнал SOS, потому как, возможно, лето пережить не удастся, ухнет уже возле крайнего дома. До свидания. Житель села Липатова Иван Бородин по поручению Августы Поликарповны Игнатовой, Героя Социалистического Труда и заслуженного работника сельского хозяйства, в настоящее время на пенсии».

Дочитав до конца, я перевела взгляд на Женьку и грозно спросила:

- Ты что, издеваешься?
- Ничего подобного, – замотала она головой.
- И твое начальство, прочитав все это, отправило тебя разбираться? Значит, это не ты, а твое начальство спятило, – разволновалась я и стала высматривать, где нам удобнее все-

го развернуться, так как продолжать путешествие не было никакого смысла.

– Ты, Анфиса, подожди гневаться, – ласково заговорила Женька, чем еще сильнее разволновала меня. Таким тоном обычно обращаются к детям или слабоумным, когда хотят их в чем-то убедить. – Все не так просто. Письмо, конечно, заслуживает, чтобы его напечатали в авторской редакции под рубрикой «Смех сквозь слезы», но наш редактор, человек большого ума и проницательности, навел справки и выяснил, что люди в районе деревни Липатово действительно бесследно исчезают, по крайней мере, есть заявления родственников и прочее. В милиции только руками разводят, мол, там рядом болото и по пьяному делу... В общем, труп могут вовсе никогда не найти.

– Чей труп? – насторожилась я.

– Соберись, Анфиса. Люди просто так не пропадают. Что-то там происходит.

– Ты сама говоришь: по пьяному делу... болото... Помому, все и так ясно.

– Не скажи. Вот взять, к примеру, участкового. Если все просто, тогда чего ж мужик боится за околицу выйти?

– Откуда ты знаешь, что боится?

– Так в письме написано.

– Это письмо – сплошное недоразумение.

– Неужто тебе не интересно разобраться? – усмехнулась Женька, хитро на меня поглядывая.

– В чем разобраться? – тоже усмехнулась я.

– Ну... есть нечистая сила или нет.

– Прекрати говорить глупости. Это даже неприлично. Нечистая сила... Произошел несчастный случай... понятное дело, жители этого самого Липатова сидят без телевизоров, газет и прочих достижений цивилизации, вот и лезет поневоле всякая чушь в голову. А ты зачем глупости повторяешь?

– постижение тайны – одно из завоеваний человечества. Возможно, самое главное завоевание, – с умным видом заявила подружка, а я насупилась. Ясно было, что Женька дурака валяет, а потакать ей в этом мне не хотелось.

В общем, мы замолчали и до ближайшего райцентра не промолвили ни словечка. Там выяснилось, что Женька запаслась картой области. Она расстелила ее на коленях, долго сидела нахмурившись, потом ткнула пальцем в едва заметную точку и заявила:

– Вот.

Без особого желания я взглянула на ее палец. Надо сказать, Липатово действительно находилось вблизи границы области. Судя по обильной зелени, места там лесистые. Затеяливо выющаяся нитка реки брала деревню в полукольцо. Ничего похожего на обозначение автомобильной дороги я при всем своем старании обнаружить не сумела.

– Да-а, – сказала я, косясь на Женьку. Та выглядела чрезвычайно деятельной.

– Сейчас выедем из города и направо, а там по прямой

километров шестьдесят. Поехали.

Я пожала плечами, Женька сложила карту и тронулась с места. Направо мы свернули и километров двадцать ехали вполне сносно. Далее начались трудности. Дорога неожиданно исчезла, то есть, въезжая в село Красиное, мы распознавали ее еще вполне отчетливо, но на выезде смогли лицезреть только слабое подобие, посыпанное щебнем, затем и подобие кончилось, и дорога стала... как бы это выразиться, труднодоступной. Лично меня это не удивило, раз никакой дороги на карте не было вовсе, но Женька начала злиться.

— Что за черт? — ворчала она, подпрыгивая на очередном ухабе, к сожалению, вместе со мной. — Хоть бы вешки поставили, чтоб с пути не сбиться.

Преодолев таким образом километров пятнадцать, мы выехали на шоссе, но обрадовались рано. На указателе справа значилось «Медведево», на указателе слева «Лощина», а нам надо было на Липатово, если верить карте. Мы притормозили в крайнем недоумении, но, потосковав некоторое время, увидели милицейский «газик». Женька выпорхнула из машины и отчаянно замахала руками.

«Газик» остановился, левая дверь открылась, и появился мужчина почтенного вида с усами и погонами капитана. На Женьку, ее машину и меня, выглядывающую в открытое окно, он смотрел с интересом.

— Извините, — разулыбалась подружка, — как нам в Липатово проехать?

– Никак, – подумав немного, степенно ответил капитан и тоже улыбнулся, еще немного подумал и добавил: – Мост снесло.

– Про мост мы знаем. А вот где это самое Липатово находится? В какой стороне?

– А вам зачем? – Капитан потер нос и с хитрецей посмотрел на нас.

– Мы из газеты. – Женька сунула ему под нос свое журналистское удостоверение, дядька взглянул без особого интереса и кивнул, точно с чем-то соглашаясь, потом ткнул пальцем через плечо куда-то за свою спину и сообщил:

– Липатово там.

Я вытянула шею, но никакого подобия дороги в том направлении разглядеть не смогла и заволновалась.

– Как там? – изумилась Женька, заглядывая за спину капитана. – Там нет ничего. В смысле дороги.

– Дороги нет, – согласился он. – Вы направление спросили, я вам показал.

– Так как же нам туда добраться? – начала терять терпение Женька, а я ничуть не удивилась, услышав:

– Отсюда никак. Если хотите в Липатово проехать, вам надо в райцентр вернуться и брать влево, а не вправо. И напрямиком на Вяхирево. Потом свернуть на Ермолино и до моста. – Он почесал нос, вздохнул и ошастливил: – До Буланова доедете точно, а там на вашей машине вряд ли. Трактора колею набили, хрен проскочишь. Хотя, может, колею запа-

хали, но я бы на это особо рассчитывать не стал.

– А сколько от Буланова до Липатова? – проявила интерес Женька.

– Километров двадцать будет. Может, меньше. Пятнадцать точно.

– А до Буланова этого сколько?

– От райцентра сто тридцать километров.

– Как же так? – изумилась Женька. – Ведь отсюда до Липатова по карте двадцать пять километров?

– Так по карте, а вам в объезд придется через соседнюю область.

Я заскучала и потеряла интерес к разговору. Женька решила проявить настойчивость и выпрашивала дальше:

– Но ведь как-то в Липатово люди попадают?

– Конечно. Кто как. Вам можно до Заручья, оставите машину и с кем-нибудь из местных договоритесь, чтоб через реку на лодке перевезли. Тогда к вечеру там будете.

– А до Заручья как добраться?

– До Заручья от райцентра тоже надо было влево брать.

– Как влево, когда мы по карте смотрели, дорога вправо и...

– Так то карта, – вздохнул капитан, – мало ли что там нарисуют. Дорога и на карте есть, и так вроде есть, но проехать по ней не каждый может. Если интересуетесь, то на первом повороте налево.

– Налево? – на всякий случай переспросила Женька.

– Налево, – кивнул капитан и указал рукой направление до первого поворота, после чего загрузился в «газик» и отбыл, а Женька вернулась в кабину.

– Ну, что делать будем? – вздохнула она с таким видом, точно это я во всем виновата.

– Вернемся в райцентр.

– По такой-то дороге?

– А ты что предлагаешь?

– Давай до поворота доедем, глянем, чего там. Может, есть шанс проскочить?

Я пожала плечами, не желая брать на себя ответственность, чтоб потом Женька не могла все наши неудачи свалить на меня, и мы поехали до поворота. Он возник километра через два, указатель сообщил, что Заручье в двенадцати километрах отсюда, при этом оставалось только догадываться, как до него добраться, потому что указатель был, а дороги не было, в привычном понимании этого слова я имею в виду. Мы видели съезд с шоссе и заросли ивы впереди.

– А что? – почесав в затылке, неуверенно заметила Женька. – Вполне можно проехать. Попробуем?

Я опять дипломатично пожала плечами. Малой скоростью мы миновали заросли и за ними обнаружили песчаную дорогу. Золотистой лентой она вилась среди полей и выглядела очень живописно.

– Класс, – вздохнув полной грудью, заметила Женька, и мысленно я с ней согласилась.

Продвигались мы весело и вскоре на пригорке увидели церковную колокольню, между деревьев мелькнула оцинкованная крыша церкви, а вслед за этим – деревенские домики вразброс, скрытые растительностью.

Только я хотела спросить, «чего этот мент дурака валял?», как слова замерли у меня на кончике языка, дорога пошла с горы, и очам нашим предстала гигантская лужа. В полуметре от нее мы остановились и вышли из машины.

– Да-а... – заметила Женька и поджала губы.

Преодолеть лужу не было никакой возможности и объехать тоже. Зеленый лужок на поверку оказался болотистым, стоило сделать несколько шагов, как под ногами зачавкало. Женька, закатав джинсы и сняв туфли, добросовестно все облазила и осталась недовольна.

– Неужто возвращаться? – с отчаянием спросила она, обращаясь, по-видимому, к луже, так как стояла ко мне спиной.

Возвращение меня не вдохновляло, тем более что до церкви на пригорке, казалось, рукой подать, а лужа, возможно, не такая уж и глубокая. Поэтому возражала я довольно вяло, когда Женька предложила рискнуть.

Мы рискнули и через минуту застряли строго посередине лужи. Попытки из нее выбраться привели к тому, что мы изрядно выдохлись, выпачкались и почувствовали себя глубоко несчастными.

– Что ж делать-то? – устраиваясь на обочине в трех метрах от машины, задала я риторический вопрос, потому что

ответа на него не было. Женька посмотрела в сторону деревни и вздохнула:

– Нужен трактор. Ты здесь сиди, а я пойду искать тракториста.

Я молча кивнула. Женька пошла, а я с грустью смотрела ей вслед, пока она не скрылась с моих глаз, свернув за перелесок. Сказать по чести, сидение на обочине не показалось мне особенно утомительным, солнышко светило, и вообще погода благоприятствовала тесному общению с природой. Если б не боязнь застрять в проклятой луже до самой ночи, я бы, пожалуй, и вовсе осталась довольна. Извлекла из багажника покрывало, которое Женька так и возила со времен майского пикника, и с удобством расположилась по соседству с машиной, не забывая зорко поглядывать по сторонам – вдруг повезет и появится кто-то, чтобы помочь нам.

Появился трактор. Сначала я услышала характерный треск, затем увидела и саму технику. Женька, улыбаясь во весь рот, махала мне рукой, сидя в кабине рядом с водителем. Уже через десять минут «Жигули» были извлечены из лужи, тракторист получил на бутылку и пообещал, что до Заручья мы доберемся без приключений. Так и оказалось.

Заручье хоть и считалось селом и имело почтовое отделение, ни количеством домов, ни особой оживленностью похвастать не могло. Мы доехали до магазина, расположенного в центре села, встретив из живых существ только кур с красавцем петухом. Возле магазина с огромным замком на

двери спал беспородный пес, на наше появление он никак не отреагировал. Почтовое отделение располагалось в доме напротив, но на его дверях тоже был замок. Женька пробормотала:

– Они здесь все вымерли, что ли? – И тут мы увидели колодец, а возле колодца женщину в синем халате, она тоже обратила на нас внимание, отставила ведра и смотрела в нашу сторону из-под ладони.

Женька притормозила, и мы вышли из машины.

– Здравствуйте, – громко поздоровалась подружка, я тоже поздоровалась, а женщина кивнула. – Мы из газеты «Ведомости губернии» по поводу бедственного положения в Липатове. Не подскажете, как туда попасть?

– В газету нажаловались? – спросила женщина и опять кивнула: – Правильно. Люди вторую неделю без света.

Мы переглянулись, и Женька задала еще вопрос:

– Почему без света?

– Как почему? Провода с четырех пролетов срезали. Вот и сидят впотьмах.

– А кто срезал?

– Так кабы знать, уж верно бы башку оторвали. Участковый два дня рыскал, да что толку, разве сыщешь, давно в утиль сдали, а деньги пропили. Ужас, что творится. Сегодня у Липатова провода срезали, а завтра у нас. А начальству до этого никакого дела.

– Где вашего участкового можно увидеть? – продолжила

расспросы подружка.

– Участковый в Тимофееве живет, село большое, в семи километрах отсюда, только его дома вряд ли застанете, час назад протарахтел куда-то на мотоцикле, а обратно не возвращался.

– Ага, – вздохнула Женька. – У кого-нибудь из местных лодка есть, чтоб в Липатово перебраться?

– У Витьки точно есть, это вон в том доме с петухом. Но Витьку вы тоже сейчас в доме не застанете, он на покосе. Вроде еще у Ивана есть, но твердо не скажу. У Ивана мальчишка должен дома быть, он и перевезет, если мать разрешит.

– А где найти дом Ивана?

– Чего его искать, дом каменный, прямо у реки. На машине не проедете, а вот по этой тропинке пройдете.

Оставив машину возле магазина, мы отправились по тропинке и вскоре вышли к кирпичному дому, окруженному забором, который в нескольких местах завалился и в целом выглядел как-то неубедительно. Калитки мы не нашли, поэтому Женька, углядев очередную прореху в ограждении, внедрилась на чужую территорию и зычно крикнула:

– Хозяева...

Немедленно из-за угла дома появился упитанный ребенок лет десяти, вихрастый, веснушчатый и очень деятельный. Взглянув на нас, он кивнул и спросил, понизив голос:

– На ту сторону хотите?

– Хотим, – пребывая в некотором недоумении, ответила Женька.

– Сто рублей, – вторично кивнул ребенок.

– Сто рублей? – скривилась Женька. – Это что ж за расценки? В Питере за такие деньги целый час на катере катают.

– Вот и двигайте в Питер, – пожал плечами отрок, посмотрел на нас и добавил: – Здесь всего две лодки, батина да еще у Витьки. Но у Витьки лодка с пробойной, и залатал он ее кое-как. Неизвестно, доберетесь ли до берега.

Узнав о такой перспективе, Женька поскребла в затылке и печально сказала:

– Ладно, вези за сотню.

– Через час подходите вон к тому месту, – ткнул отрок пальцем куда-то вниз, – и ждите. Я как освобожусь, сразу подойду.

Мы вяло согласились и побрели прочь. Деятельный ребенок, выждав полминуты и, как видно, придя к выводу, что мы с Женькой выглядим достаточно придурковато, крикнул:

– Тетя, вы б аванс дали.

Не оборачиваясь, Женька показала ему кукиш.

– Через час, – напомнил мальчишка, а я покачала головой:

– Что делается... такой маленький...

– И уже бизнесмен, – подсказала Женька. – И это в глубинке. Да, не истощилась еще земля русская на самородков.

– Самородка бы ремнем не помешало...

– Ремнем непедагогично, – вздохнула Женька. Я оглядела

окрестности и спросила:

– Чем займемся?

– Надо машину пристроить, – опять вздохнула она, а я нахмурилась, очень возможно, что расценки здесь столичные и за стоянку автотранспорта нас обдерут как липок.

Тут взгляд мой упал на церковную колокольню, и я предложила:

– Давай в церковь заглянем. – Женька смотрела выжидающе, а я продолжила: – Местному батюшке должно быть что-то известно о нечистой силе. Если она тут есть, логично обратиться к священнику.

– Точно, – согласилась Женька, и мы направились к церкви.

Божий храм, недавно отремонтированный, был обнесен невысокой металлической оградой. Слева находились хозяйственные постройки, справа открывался прекрасный вид на реку, луг и лес, который отсюда казался совершенно непроходимым, девственная природа, да и только.

Церковь была закрыта, возле хозяйственных построек стоял «Москвич» с поднятым капотом, и мы побрели туда. Поблизости от машины людей тоже не оказалось, мы деликатно покашливали, в сарае наметилось какое-то движение, я в него заглянула и увидела священнослужителя, который торопливо что-то прятал в стеклянной банке. В сарае пахло табаком, но я на это вряд ли бы обратила внимание, если бы не излишняя суетливость батюшки. Он повернулся,

увидел меня, пробормотал: «Тьфу, пропасть», – и нахмурился, после чего шагнул навстречу, степенно поздоровавшись, а я сделала вывод, что батюшка прятался в сарае с намерением предаться пороку, то есть покурить в тишине и спокойствии, но наше появление всю малину ему испортило.

– Здравствуйте! – радостно завопила Женька.

Батюшка вздрогнул, после чего поздоровался повторно, а я принялась его разглядывать.

Лет ему было не больше тридцати, высокий, довольно деликатного телосложения, он изо всех сил старался выглядеть солидно. Этому сильно препятствовал тот факт, что лицо батюшки солидностью похвастать никак не могло, так как он был конопат, рыжеватые волосы густотой не радовали, борода тоже не впечатляла. По этой причине или по какой другой глаза священника имели страдальческое выражение.

– Простите, что побеспокоили, – продолжала излучать сияние Женька и полезла в сумку за своим удостоверением. – Мы из газеты...

Тут из-за церкви появилась старушка в белом платочке и крикнула:

– Отец Сергей...

Тот недовольно махнул рукой, и бабку как ветром сдуло, из чего я сделала вывод, что, несмотря на забавную внешность, батюшка держит паству в строгости. Он заглянул в Женькино удостоверение, кивнул, но продолжал хмуриться, как видно, очень переживал, что мы застукали его за небла-

говидным делом.

— Это Анфиса, — немного невпопад заявила Женька, ткнув в меня пальцем. — Мое имя вы видели, то есть...

— Отец Сергей, — влезла я, — мы к вам вот по какому делу. В редакцию пришло письмо от жительницы деревни Липатово.

Лицо отца Сергея скривилось, точно от зубной боли. Думаю, батюшка бы плюнул в досаде, но сдержался и только спросил с отчаянием:

— Игнатова писала?

— Игнатова, — кивнула Женька.

— Все никак не угомонится, — вздохнул отец Сергей.

— Что, часто пишет? — проявила интерес Женька.

— Часто. И помногу. Владыке три письма отправила. Даром что до почты никак не доберешься, она внука за тридцать километров посылает, а его и за десять метров отпускать нельзя, потому что... Сами увидите... Одно беспокойство всей округе.

— А на что Игнатова владыке жаловалась? — спросила Женька.

Батюшка недовольно взглянул на нее и не без язвительности спросил:

— А в газету на что?

— На нечистую силу, — брякнула я.

Батюшка закатил глаза с досады и тяжело вздохнул, а подружка ткнула меня локтем в бок.

— Вот что, пойдемте в дом... присядем, — без особой охоты

предложил отец Сергей, и мы гуськом по песчаной тропинке обогнули церковь и вышли к добротному дому с резным крылечком, на котором в настоящий момент сидела старушка в платочке. При нашем приближении она вскочила, а батюшка сказал: – Евдокия, напои гостей чаем.

– Не беспокойтесь, – затараторила Женька, но батюшка был непреклонен, и вскоре мы устроились на веранде за круглым столом, украшением которого был медный самовар.

Тут бы и приступить к беседе, но нас с Женькой здорово отвлекло одно обстоятельство. Не успели мы устроиться на веранде, как дверь, ведущая в дом, приоткрылась и в проеме возникла веснушчатая физиономия девчушки лет девяти с тонкими косичками, я ей подмигнула, девчушка хихикнула и исчезла, но через мгновение появилась вновь, и не одна. Рядом с первой мордашкой возникла другая, очень похожая на первую. Я опять подмигнула, и они исчезли, после чего я смогла лицезреть уже трех девчонок, надо полагать, погодок. Через пять минут я насчитала шестерых детишек женского пола и на отца Сергея глянула по-другому, с большим пониманием. Когда появился годовалый карапуз в платьишке с чужого плеча, отец Сергей обратил внимание на эту делегацию и грозно шикнул, после чего девичий табунок удалился и больше нам на глаза не показывался. Зато на веранду вышла дородная женщина со смешливыми глазами, круглолицая, симпатичная и с младенцем на руках. Нараспев сказала: «Здравствуйте» – и устроилась на диванчике.

Отец Сергей попытался глазами выказать недовольство, но не преуспел. Супруга, которую звали Ольга Юрьевна, твердо вознамерилась узнать, что мы за гости, а узнав, приняла в беседе самое деятельное участие. После приветствий и знакомства речь поначалу зашла не о Липатове, а о детях, потому что, кивнув на младенца, мирно посапывающего на руках матери, я спросила:

– Мальчик?

– Девочка, – весело сообщила Ольга, – одни девчонки... – Она хихикнула и сморщила нос, а мы с Женькой заулыбались, точно находили в данном обстоятельстве что-то чрезвычайно забавное.

Батюшка едва заметно вздохнул, мы немного развили тему детей, но особо увлекаться нам не позволила Женька. Она достала из сумки письмо Игнатовой, которое прихватила специально для этой цели из машины, и зачитала его вслух. Отец Сергей болезненно морщился, а матушка слушала внимательно и время от времени кивала, точно соглашаясь.

– Ну, тетка Августа, – без всякого пастырского смирения проворчал батюшка, – такое в газету понаписать... Греха не боится.

– Так что же, все неправда? – усмехнулась Женька.

– Почему все? – вздохнул отец Сергей. – Мост в самом деле снесло, и начальству до этого дела нет. Липатово точно на острове, и, чтоб туда попасть, такой крюк делаешь, да и

то не на всякой машине проедешь. Речка хоть и плохонькая, но ведь через нее не перепрыгнешь, а у местных лодок нет, раньше без надобности были, а теперь где же их взять? Это ведь не гвоздь, в магазине не купишь. И со средствами массовой информации тоже беда по причине все той же труднодоступности. А теперь еще и провода срезали, так что все Липатово без электричества осталось. Живут там люди пожилые и... В общем, все, что там о нечистой силе, – это глупость, сами понимаете, а также самообман, происходящий от злоупотреблений...

– Каких злоупотреблений? – не поняла я.

Батюшка вздохнул, а матушка весело пояснила:

– У них там в каждом доме самогонку производят, а сбывать ее некуда. Вот русалки мужикам и мерещатся, всей деревней чертей гоняют, господа, прости... – Матушка торопливо перекрестилась, виновато косясь на супруга.

– Вот оно что, – озадачилась Женька. – А участковый, он тоже пьет?

– Нет. Не скажу. Выпивает, конечно, но на общем фоне можно сказать – совершенно не злоупотребляет.

Формулировка мне показалась довольно затейливой, что значит, к примеру, «на общем фоне»? Но лезть с такого рода вопросами я поостереглась и ждала, что дальше скажет отец Сергей, но батюшка замолчал.

– Так случай, описанный в письме, имел место? – спросила Женька.

Отец Сергей пожал плечами:

– Василия Ивановича, участкового то есть, липатовские совершенно замучили. Он пошел проверить, да, видно, заплутался на болоте.

– Это он вам рассказал?

– Он у нас молчун и особо ничего не рассказывал. Но и так ясно.

– А люди действительно в тех краях пропадали?

– Пропадали, – покаянно кивнул отец Сергей. – Только вы поймите, там с трех сторон река, а с четвертой болото. Летом дачники кто за клюквой, кто за черникой, а с болотом шутки плохи. И леса здесь такие, ого-го, заплутать не трудно. И лишние люди, к несчастью, тоже нас стороной не обошли. Святотатство форменное: часовню ограбили, икону украли, с девятнадцатого века в ней находившуюся. Церковную кружку унесли, позарились. Срам, да и только.

– А еще Петра Наумовича убили, – вздохнула матушка.

– Кто такой Петр Наумович? – насторожилась Женька.

– Как же, Петр Наумович Холмогорский...

Фамилия показалась мне знакомой, я перевела взгляд на Женьку, на лице которой отобразился напряженный мыслительный процесс.

– Неужто не знаете? – ахнула матушка. – Он ведь человек очень известный.

– Как же, как же, – обрадовалась Женька, – художник, писатель, краеведением занимался?

– Точно. Очень много полезного для людей сделал. Церковь помогал восстановить, да и вообще... Вот скоро три года, как погиб. До сих пор убийцы не найдены.

– Нельзя ли об этом поподробнее? – сощурила зеленые глазищи подружка.

Батюшка вздохнул, но его супруга приступила к рассказу с большой охотой:

– Петр Наумович жил в Красном Селе, на той стороне реки, от Липатова километров десять будет. Дом у него на отшибе стоял, большой дом, прямо на холме, бывшая помещичья усадьба. Петр Наумович его отреставрировал на свои средства. Музей мечтал создать, быт русской усадьбы. А еще галерею, он ведь картины коллекционировал, очень ценные. Его уговаривали их в столицу перевезти, а он отвечал, что в столице и так музеев много, а в провинции тоже люди. Здесь его родные места, он сам-то родом из Фрязина, вот и радел за земляков, хотел о себе светлую память оставить. Человеком он был уже в преклонных летах, о душе много думал. И у кого только на него рука поднялась... – с горечью покачала головой матушка, а батюшка кивнул и добавил:

– Да-а...

– И никаких следов?

– Нет. Хотя наше милицейское начальство старалось и из Москвы людей присылали, но все впустую. Убийцы как в воду канули, хотя уйти им, если верить начальству, некуда.

Я слушала Ольгу и пыталась припомнить обстоятельства

той трагедии. Дело действительно вышло громким, потрясшим не только две соседствующие области. Ему много уделяли внимания средства массовой информации. Однако ничего толком я вспомнить не могла и удвоила внимание, решив позже выпросить Женьку, у нее память получше моей, авось что и расскажет.

Матушка еще раз вздохнула и замолчала. Неожиданно история меня заинтересовала, и я надеялась на продолжение.

– И что потом? – не очень вежливо спросила я.

– Ничего, – пожал плечами батюшка. – Музей, конечно, открыли, назвали именем Петра Наумовича, а его похоронили в парке, рядом с домом, как он завещал, в музее теперь за хозяйку его жена, очень хорошая женщина и верующая. Помогает всем, чем может, а похищенные ценности до сих пор не найдены, и нас всех это очень удручает. Выходит, лучше б Петр Наумович их в свое время в столицу отдал, там охрана надежнее, да и вообще...

Женька почесала нос и, должно быть, решив, что мы довольно далеко отошли от первоначальной темы разговора, спросила:

– Значит, отец Сергей, ничего противоестественного в Липатове не происходит?

– Для меня противоестественно, что люди бога не боятся, – нахмурился он, голос его зазвучал сурово. – А местные власти... – Он рукой махнул в досаде. – Нет нигде порядка.

Тут Женька взглянула на часы, и я тоже. Если мы дума-

ли воспользоваться услугами юного бизнесмена, стоило поторопиться.

Мы поблагодарили за чай и вскоре простились с хозяевами, которые вышли проводить нас. Подружка, окинув взглядом просторный двор, смекнула, что батюшке ни к лицу дух стяжательства, и спросила:

– Нельзя ли у вас машину оставить? Она у нас возле магазина стоит... Насчет лодки мы договорились, а бросать имущество без присмотра...

– Конечно, конечно, – заволновался батюшка, – хотя у нас в селе случаев воровства не наблюдалось, бог миловал, но в это время приезжих много, так что осторожность не повредит. Перегоните к сарайчику...

Далее последовали благодарственные слова, взаимные заверения, после чего Женька отправилась за машиной и вскоре на ней вернулась. Мы оставили «Жигули» возле сарайчика, извлекли из багажника чемодан и, простившись с гостеприимным семейством, направились по тропинке к реке.

Отрок ждал нас, сидя на корме лодки. Суденышко показалось мне на редкость хлипким и совершенно не подготовленным к путешествию по воде с большим чемоданом. Я плавала хорошо и за наши жизни не очень переживала, а вот чемодан плавать не умеет, и мы его скорее всего лишимся, об этом следовало подумать. Но только не Женьке. Для нее все это мелочи, а о мелочах она не думает.

– Здорово, – поприветствовала она предприимчивого ребенка.

– Я уж решил, что не придете, – проворчал он, помог Женьке забраться с чемоданом в лодку, вставил весла в уключины, дождался, когда мы устроимся, и вдруг потребовал: – Деньги покажите.

– Какие? – слегка прибалдели мы.

– Сотню, – удивился отрок.

Женька возмущенно приоткрыла рот, но вместо того, чтобы сделать зарвавшемуся ребенку внушение, достала сотню, повертела ею перед его лицом и сунула в карман джинсов.

– Вези аккуратней.

Мальчишка оттолкнул лодку от берега, ловко запрыгнул в нее и подхватил весла. Река хоть особой мощью похвастать и не могла, не широка и не величава, но зато оказалась капризной, делала в этом месте поворот, и течение здесь было довольно бурным. Несмотря на все старания мальчишки, лодку сносило по течению.

– Чемодан у вас тяжелый, – заметил он, изрядно запыхавшись.

– Гребь, отрок, и без критики, – хмыкнула Женька.

Он еще немного поработал веслами и не выдержал:

– Вы бы мне помогли, тетя...

– Ага, умный нашелся. Подрядился, так работай.

– Далеко снесет, вам же ножками топать.

– Ничего, прогуляемся.

– А чемодан? Он ведь тяжелый.

– Шантажист, – возмутилась Женька, между тем лодку все заметнее сносило течением. – Помогу, только столытник пополам.

– Это всего пятьдесят рублей, – обиделся мальчишка.

– «Всего», – передразнила Женька и презрительно отвернулась.

В конце концов парень сдался, и мы с Женькой заняли его место, памятуя, что ребенку еще предстоит возвращаться назад и ему стоило поберечь силы. Работали мы не очень слаженно, но бодро и вскоре пристали к берегу. Мальчишка вытащил наш чемодан, получил полсотни и, объяснив, как пройти в Липатово, отчалил. А мы стали подниматься по крутому берегу.

Подъем с чемоданом нас не воодушевил. Выбравшись наконец на ровное место, мы огляделись. Метрах в двадцати выше, где из воды торчали сваи снесенного моста, начиналась песчаная дорога, мы потопали к ней. Чемодан решили нести по очереди, и сейчас была очередь Женьки, я шла впереди, пытаясь среди деревьев различить какие-либо строения. Отрок уверял, что до деревни километра три, не более, но теперь в правдивость его слов я не очень-то верила, местность казалась мне какой-то необитаемой.

А между тем день клонился к вечеру, то есть вечер к ночи. Я взглянула на часы – время позднее, а мы только-только выбрались на дорогу. Тут я некстати вспомнила о разгу-

ле нечистой силы и невольно поежилась, солнце садилось за реку, и через полчаса будет темно, а здесь ни фонарей, ни света в деревне, чего доброго пройдем мимо...

– Зря мы на ночь глядя сюда отправились, – заметила я ворчливо. – Можно было в Заручье переночевать. Мир не без добрых людей. Матушка бы не отказала.

Женька заметно поежилась и почему-то понизила голос:

– Думаешь, в самом деле что-то может быть?

– Что «что-то»? – не поняла я.

– Ну... Ухает или воет, не помню, что там в письме.

– Не говори глупостей, – возмутилась я. – Батюшка намекал, что твоя Игнатова личность, как бы это выразиться, не вполне надежная в смысле информации. Банника, к примеру, отец Сергей вовсе комментировать отказался, а выть могут собаки.

– Я и собак боюсь, – заявила Женька. – Они кусаются.

– С чего им кусаться?

– Не знаю, может, бешеные. Слушай, Анфиса, твоя очередь чемодан нести.

– Еще чего. Половина пути не пройдена.

– А как ты узнаешь, что уже половина?

– Узнаю, – отрезала я.

Идти по дороге было совсем не трудно и даже приятно, она петляла от одного перелеска к другому, и я с томлением ожидала, когда покажется деревня. По моему мнению, половины пути мы так и не прошли, а уже стемнело. Впрочем,

песчаная дорога хорошо была видна в темноте, и заблудиться мы не боялись. Другое беспокоило меня. Кому доводилось идти ночью через поле, тот знаком с тревожным чувством, которое возникает как бы без всякой причины. На бескрайнем небе, которого в городах просто не бывает, засверкали звезды, ночь выдалась безлунной, и это тоже почему-то пугало. Женька, пыхтя из-за своей тяжелой ноши, старалась держаться рядом со мной, то и дело вглядываясь в темноту.

– Ты трусишь, что ли? – не выдержала я.

– Чего мне трусить? – обиделась подружка и тут же добавила: – Где эта чертова деревня?

– Не поминай на ночь, – шикнула я. Женька испуганно охнула и перекрестилась, а я смиловилась и взяла у нее чемодан.

– Думаешь, половину прошли? – спросила она, я лишь пожала плечами.

– Ты вот что, – решила я отвлечь ее от глупых мыслей, – расскажи мне про убийство Холмогорского, если сама чего знаешь.

– Давай я тебе лучше утром все расскажу, – вздохнула она. – Вспоминать покойников к ночи тоже не очень хорошо.

– Да что на тебя нашло? – разозлилась я.

– Сельская местность не является для меня привычной средой обитания, – обиженно заметила подруга. – А ты правда ничего не боишься или выпендриваешься?

– Я боюсь в темноте деревню проглядеть, – ответила я. –

Не забывай, люди без света сидят, да и время для деревенских уже позднее.

– Надо быть внимательнее, – согласно кивнула она и пошла веселее.

Впереди возникло что-то темное, судя по очертанию, еще один перелесок, мы прошли мимо, и тут Женька заорала что есть мочи, а я с перепугу выронила чемодан и хотела тоже заорать, но нашла в себе силы спросить для начала:

– Ты чего, чокнутая?

Подружка ткнула пальцем за мою спину и невнятно пробормотала:

– Удавленник.

Я посмотрела в ту сторону и от неожиданности вздрогнула, а потом здорово осерчала на подругу.

– Жень, ты дура, – сказала сурово. – Это журавль.

– Журавль? – растерялась она.

– Колодец.

И в самом деле, в нескольких шагах от нас находился колодец, на длинной цепи, свисая с длинного наклонного шеста, темнело ведро и чуть заметно раскачивалось с неприятным скрипом.

– Ох, господи, – перекрестилась Женька, – не поверишь, сердце в пятки улепетнуло, что за придурок до такой конструкции додумался?

– Надо знать родную историю.

– А ты знаешь?

– Частично. – Судя по вредности, которая рвалась наружу, о душевном спокойствии подруги можно больше не волноваться. – Идем, – позвала я. – Если есть колодец, значит, деревня всего в трех шагах, а может, мы уже в деревне, просто еще не поняли.

Женька воодушевилась, сделала несколько шагов по дороге и ткнула пальцем куда-то в сторону.

– Свет.

И точно, слабое сияние пробивалось из темноты. Не задумываясь, мы свернули с дороги и заспешили на огонек и вскоре чуть не уперлись носами в бревенчатое строение с крохотным оконцем, на котором стояла свеча, пламя слабо подрагивало, а я завороченно тарасилась на него.

Между тем Женька уже стучала в низкую дверь, и я присоединилась к ней. И только после этого сообразила, что бревенчатое сооружение – это баня и ломиться сюда, как бы это выразиться, не совсем прилично. Однако хозяева выбрали не совсем подходящее время, чтобы попариться.

Послышались шаги, затем дверь распахнулась, и мы увидели... уж не знаю, что на меня нашло, но заорала я еще громче Женьки. Перед нами стояло существо, смутно похожее на пожилого мужчину, в беспалой лапе оно держало стакан со свечой, освещавшей снизу его лицо, заросшее рыжей щетиной, с черными глазками-пуговками и кустистыми бровями. Существо ухмылялось, демонстрируя два желтых жуткого вида клыка, на самые его брови была надвинута шап-

ка-ушанка с торчащими в разные стороны ушами, грудь покрыла густая растительность, одежда отсутствовала. Существо преме́рзко хихикнуло и глумливо сообщило:

– Заждался.

Женька, слабо охнув, стала заваливаться вправо, а я заорала еще громче. Это привело подругу в чувство, и она присоединилась ко мне, но моих вершин достичь не могла. Не сговариваясь, мы резко развернулись и, бросив чемодан, понеслись в темноту не разбирая дороги. Я обо что-то споткнулась и грохнулась на мокрую от росы траву, Женька упала рядом, хрипло дыша.

– Анфиса, что это было? – с ужасом пролепетала она, оглядываясь. Никто за нами не гнался, лишь журавль поскрипывал рядом.

– Откуда мне знать?

– Этот... банник, да? Ты же литератор, должна знать народные обычаи и обряды.

– При чем здесь обряды? – возмутилась я.

– Он за нами не побегал, – продолжала разглагольствовать Женька. – Видно, покидать свой объект ему не положено. Интересно, много тут таких объектов? Я знаю домового, лешего, теперь банника, конечно, а ты кого?

– Женья, ты дура, – второй раз за вечер сообщила я, но взволнованной Женьке было на это наплевать, она и глазом не моргнула. – Банник – это суеверие. – Отдышавшись, я поднялась на ноги, Женька тоже встала.

– Ага, – усмехнулась подруга, – суеверие, а кто первый заорал?

– Конечно, оно выглядело необычно.

– Кто «оно»? – вредничала Женька.

– Ну... человек, естественно.

– Человек? – усмехнулась она. – Тогда пойдем за чемоданом.

Я вглядывалась в пугающую темноту ночи и совершенно отчетливо поняла, что возвращаться за чемоданом в настоящий момент не могу ни за какие коврижки. Этому решению сильно способствовал и тот факт, что чемодан был не моим, а Женькиным. Я сказала:

– Надо легко расставаться с вещами.

– То-то, – удовлетворенно заметила Женька, – боишься, потому что сомневаешься, что оно местный житель, я имею в виду... короче, ты поняла, – вздохнула подруга, ухватила меня за руку и задала вполне здравый вопрос: – Что делать-то будем?

– Надо к людям, – нервно оглядываясь, заявила я.

– Надо, – затосковала Женька, – знать бы еще, где они.

Тут за нашей спиной что-то хрустнуло, мы подскочили, вцепившись друг в друга, и бросились бежать куда глаза глядят. В основном они глядели в темноту по причине отсутствия какого-либо света, и вдруг мир вокруг точно свихнулся, совсем рядом что-то ухнуло, в другом конце что-то завывало, и началась такая катавасия, что не приведи господи.

Не знаю, чем бы все закончилось для моих нервов, если бы мы с Женькой со всего маха не влетели в забор. Он оказался ветхим, а сила, которая несла нас по деревне, могучей. В общем, мы влетели в забор, он не выдержал и с жутким хрустом и скрипом рухнул, причем вместе с нами. Руки обожгло, и я сообразила, что лежим мы в зарослях крапивы. Ухоть перестало, а вой действительно имел место и для моей расшатанной нервной системы звучал неприятно, но ничего постороннего в нем не было.

– Женья, это собака, – как можно спокойнее сообщила я, приподнимаясь. Гнилые доски забора подо мной затрещали, а я чертыхнулась, боясь пораниться – в таких заборах обычно полно гвоздей. Я все-таки поднялась и попыталась поднять Женьку, она лежала без движения и громко стучала зубами. – Это собака, – здорово разозлившись, повторила я. Ясно, что от Женьки толку никакого, придется брать инициативу в свои руки.

– Ты меня успокаиваешь, – не поверила подружка.

– Прекрати немедленно, вставай. – Мне все-таки удалось заставить ее подняться. – И пойдем к людям.

– Да-да, – кивнула подружка, – к людям. А куда идти, ты знаешь?

– Это забор, – ткнула я пальцем в рухнувшее сооружение, правда, рухнувшее частично. – Мы пойдем вдоль него и выйдем к дому.

Она кивнула и, вцепившись в мой локоть, сделала пер-

вый шаг. Идти вдоль забора оказалось делом непростым: прежде всего пришлось пробираться сквозь крапиву, которая в некоторых местах достигала нашей груди, дважды путь нам преграждали самые настоящие заросли, преодолеть которые было делом немыслимым, и их пришлось обходить, при этом я страшно переживала, что в темноте мы собьемся с курса и потеряем наш забор. К счастью, этого не случилось. Наконец, забор кончился, и мы вышли ко двору. За двором последовал и дом. Вскоре мы уже стояли на высоком крыльце и робко стучали в окно.

Некоторое время ничего не происходило. Ни звука, ни шороха, только наше учащенное дыхание. Затем в крохотном оконце рядом с дверью мелькнул огонек, а мы с облегчением вздохнули, дверь со зловещим скрипом открылась, и мы увидели банника, то есть, может, теперь это был и не банник, а кто-то еще, домовый, к примеру, но выглядел он точной копией первого, в той же шапке, с той же ухмылкой и с теми же клыками, в беспалой руке держал свечу, и свет ее отбрасывал на его физиономию причудливые тени, глаза жутко блестели... в общем, это было совершенно непереносимо.

– Наконец-то, – хихикнуло существо, на этот раз, по-моему, во что-то одетое, а мы с Женькой скатились с крыльца и бросились прочь, но без воплей, так как вопить сил уже не было. Банник что-то кричал нам вслед, но либо он невнятно произносил слова, либо мы их не понимали, разобрать нам

ничего не удалось. Преодолев не меньше километра, мы рухнули на колени возле каких-то зарослей и попытались отдышаться.

– Прости меня, Анфиса, – вдруг сказала Женька, – я не должна была тебя сюда привозить. Если б я сейчас была одна, то хоть за тебя не беспокоилась бы.

– Женья, – совершенно не обращая внимания на покаянные слова подруги, которые сильно смахивали на исповедь перед последним причастием, твердо начала я, – всему есть простое и логичное объяснение. Сейчас ни ты, ни я логически мыслить не способны, значит, надо дождаться утра и разобраться со всей этой галиматьей.

– До утра еще далеко, – пожаловалась Женька.

– Летом ночи короткие, – утешила ее я. – Смотри, заря занимается, скоро рассвет.

– Где? – обрадовалась Женька.

– Что? – не поняла я.

– Заря, естественно.

Я наудачу ткнула пальцем, так как, будучи сугубо городским жителем, мало смыслила в таких вещах, но определенно помнила, что есть заря, за которой следует рассвет, и, говоря по чести, не мешало бы им поторопиться.

– Заря должна быть на востоке, раз солнце там восходит, а это не восток, а север, – проворчала подружка.

– Откуда тебе знать? – возмутилась я.

– Как откуда? Я же карту смотрела. От города мы ехали

на юг, точнее, на юго-запад, а город за нашей спиной.

– С чего ты взяла?

– С того. Там река. Слышишь, плещется.

Я ничего не слышала, но порадовалась: если Женька начала вредничать, значит, все в порядке, от страха не умрет.

– Река тут с трех сторон, – не сдавалась я. – И вообще: сказано тебе, скоро рассвет, вот и жди.

– Анфиса, – охрипшим голосом вдруг позвала Женька, я настороженно замерла и услышала шаги, а затем увидела... Первой мыслью было – волк. Огромный, страшный, он возник в паре метров от нас и замер, глядя зрачок в зрачок. – Я этого не вынесу, – заволновалась Женька и закрыла глаза, а я подумала: мне здорово повезет, если я лишусь сознания. Ничего подобного. Женька клацала зубами, зверь сидел напротив, а я таращилась на него. – Анфиса, что же это? – пискнула Женька. – Волк?

– Сиди, не шевелись, – пробормотала я.

– А глазищи-то... Анфиса, вдруг это не собака вовсе? Здоровый-то какой...

– Заткнись, говорю. Это собака... Собачка, – позвала я наудачу и даже посвистела немного: – Шарик, Дружок, Полкан... – Фантазия моя на этом истощилась. Пес, или кто бы он ни был, сел копилкой и завыл, да так, что у меня буквально волосы встали дыбом.

– Нет, я больше не выдержу, – охнула Женька, и я мысленно с ней согласилась. Потратив на сольное выступление

никак не меньше пяти минут, зверь, не обращая на нас никакого внимания, спокойно развернулся и вскоре растворился в темноте. — Фильм ужасов, да и только, — с заметным облегчением вздохнула Женька.

Мы поднялись с земли и сделали несколько робких шагов в неизвестном направлении. Женька обо что-то споткнулась и едва не упала, я подхватила ее, больно ударилась коленом и тут поняла, что перед нами скамейка, сделала еще несколько шагов и, можно сказать, уперлась носом в палисадник. В трех метрах от места, где мы стояли, находился дом. Темный и, честно сказать, жутковатый, потому не очень-то мы и радовались.

— А вдруг здесь опять этот? — прошептала Женька.

— Дом точно другой, — не спеша с заключениями, сообщила я. — Здесь крыльцо низкое и еще палисадник, там палисадника не было.

— А если они тут во всех домах? Знаешь что, Анфиса, может, мы с тобой до утра на скамейке посидим? Сама говоришь, недолго осталось.

— Не болтай глупостей, — не приходя в восторг от собственной отваги, ответила я. — Идем.

— Чего-то у меня нога не шагает, подвернула, наверное, — сообщила Женька. — Ты иди одна, а я здесь посижу.

Я презрительно фыркнула и направилась к крыльцу. Откуда-то сбоку выскочила собака и истошно залаяла. Не успела я насмерть перепугаться, как сообразила, что собака на

привязи и до меня не дотянется, но и мне к крыльцу не пройти. Я вздохнула, на всякий случай отступая, и с некоторым удивлением, оглядевшись в очередной раз, поняла, что стало светлее, а я нахожусь на деревенской улице, потому что напротив тоже дом и дальше еще дома, правда, темные и как будто нежилые, но это ничего не значит, раз сейчас ночь, люди по ночам спят, к тому же граждане остались без электричества.

– Кто там? – перекивая лай собаки, осведомился женский голос. Звучал он без страха, но сурово, точно здесь поджидали непрошенных гостей.

– Простите, пожалуйста, – заторопилась я, но тут подскочила Женька и взяла инициативу в свои руки.

– Мы ищем Игнатову Августу Поликарповну. Не подскажите, где она живет? Мы из газеты, она прислала письмо в редакцию, мы приехали вечером и заблудились. Оттого так поздно...

Дверь распахнулась, и мы увидели крупную женщину в темной юбке, шерстяной кофте, мужских носках и тапочках, в руках она держала керосиновую лампу, которую тут же подняла повыше, чтоб разглядеть нас, и шикнула на собаку:

– Тише. – Пес тут же умолк. – Из газеты, говорите? – спросила она Женьку, пристально в нас вглядываясь.

– Да.

– А письмо с собой?

– Конечно. И удостоверение... – Женька полезла в сумку,

но женщина махнула рукой.

— Что толку в бумажках. Ладно, заходите, только по одной. — Мы сделали шаг, а она шепнула собаке: — Нюхай, Терминатор.

Что там нюхал Терминатор, судить не берусь, но, как только мы сделали шаг, пес заинтересованно приблизился к нам, правда не выказывая никакой антипатии. Мы вошли в дом, но наши испытания на этом не закончились. Дверь за нами тут же захлопнулась, кроме обычной задвижки, ее заперли на огромный засов, а я, к своему ужасу, обнаружила в трех шагах от себя жуткого вида мужика. В руках он держал средних размеров кол, заостренный с одного конца. Никого не предупредив, Женька плюхнулась на пол, мужик бросился к ней, а я схватилась за сердце. Но ничего не произошло, мужик подхватил Женьку и куда-то поволок, а женщина, держа меня за локоть, увлекла вслед за ними, и через несколько секунд мы оказались в деревенской кухне. Здесь горела еще одна лампа и было гораздо светлее. Женька вроде бы очухалась и таращила глаза на свет, мужик с колом замер у двери, а тетка спросила, обращаясь к нам:

— Крест носите?

— Да, — пискнула я. Мама еще на восемнадцатилетие подарила мне золотой крестик на цепочке, и я с тех пор всегда носила его. Женька предпочитала что-нибудь из экстравагантных украшений, потому я здорово удивилась, когда она с энтузиазмом кивнула и извлекла на свет божий медный крест

на белой тесемке. Выходит, Женька основательно подготовилась к экспедиции.

Видя такое дело, я тоже продемонстрировала свой крест, тетка кивнула на угол и грозно сказала:

– Перекреститесь.

В углу, как и положено, находились иконы Спасителя, Богородицы, Николы Чудотворца и целый набор иконок поменьше, горела лампадка, слегка чадя, с одной стороны этого иконостаса торчала ветка вербы, с другой – березовая ветка, должно быть, еще с Троицы. Мы с Женькой торопливо перекрестились, после чего тетка подобревшим голосом сообщила:

– Я вас святой водой спрысну. – И достала из шкафа трехлитровую банку. К тому моменту мы были готовы на все.

Оказалось, что выливать на нас три литра воды никто не собирался, тетка набрала в рот святой водицы и спрыснула сначала меня, а потом и Женьку, после чего убрала банку, села на стул возле допотопного стола с верхним выдвижным ящиком и с облегчением вздохнула.

– Слава богу, Василий, убирай кол, это наши, – обратилась она к мужику, который все это время здорово меня нервировал, а в особенности его оружие.

Василий убрал кол за шкафчик, стоявший возле входной двери, и устроился на лавке.

– Садитесь, – сказала тетка, – милости просим. Видите, какие у нас дела творятся?

Мы плюхнулись на две табуретки: я в состоянии, близком к беспамятству, а в Женьке тем временем неожиданно проснулось любопытство, которое она явно вознамерилась удовлетворить, поэтому сразу взяла быка за рога и спросила:

– Какие дела?

– Вы ж письмо читали. Разгул нечистой силы. Ни одной ночи с самой весны не спим спокойно. Зимой не шалют, врать не буду, а как потеплеет, просто беда. Дошло до того, что из дома, как только стемнеет, выйти боимся. Меня, к примеру, хоть убей, а выйти не заставишь, разве что на крыльцо. У меня Терминатор, на всякую нечисть натасканный, с ним не страшно, враз учует. Ночью бодрствуем, потому как все равно уснуть не дадут, то завоют, то в окошко стукнут, то в колокол бьют, а днем отсыпаемся. У меня огород лебедой зарос, и все через это дело.

– А кто воет и стучит? – влезла я в ее рассказ.

– Кто ж знает, – пожалла тетка плечами. – Нечисть всякая, поди разбери, какой они породы. Как ухнут, так и сердце в пятки.

– А кол на кого? – кивнула на шкаф Женька, чрезвычайно заинтересованная.

– На упырей.

– Что, и упыри есть? – насторожилась я такому изобилию фольклорных персонажей.

– А пес их знает, держим на всякий случай. Иван Иванович объяснял, что на упырей только кол воздействовать может,

на оборотня – серебряная пуля, серебра у нас нет, и пулю взять неоткуда, а вот кол держим. Давайте знакомиться, – без перехода предложила тетка. – Я Августа Поликарповна Игнатова, а это сосед мой, Василий. Вы как мой дом нашли?

– Если честно, мы к вам случайно постучали.

– Значит, бог привел, – кивнула тетка Августа и перекрестилась на икону Спаса. – Как звать-то?

– Я Евгения, а это Анфиса.

– Значит, из газеты прислали? Лучше бы, конечно, мужиков поздоровее, у нас тут не каждый выдержит. Главное, девоньки, все как есть пропишите, чтоб начальство зашевелилось и ударило по нечистой силе на всех фронтах. Обнагле-ли совершенно. И так точно в тайге глухой живем, а теперь еще и без света.

– Свет тоже нечисть?.. – усомнилась Женька, а Августа ответила:

– Нечисть не нечисть, но без нее не обошлось, это уж точно. Вот что, девоньки, давайте я на стол соберу.

– Нет-нет, – сказали мы в два голоса, потому как лично у меня после ночных приключений начисто пропал аппетит, а мужик вдруг ожил и застенчиво сказал:

– Августа, девкам бы стресс снять, да и нам...

– Точно, – кивнула она. – Давай.

Мужик поднялся и ходко направился к газовой плите рядом с печью, только тогда я обратила внимание на странный агрегат, стоявший там: бачок с краном, из которого в пол-

литровую банку что-то капало. Чувства ко мне понемногу возвращались, и я сообразила, чем в кухне так пахнет, а далее стало вовсе просто: странное техническое устройство – самогонный аппарат, и воняет так отчаянно ею, родимой.

Василий взял банку, заполненную наполовину, поменяв ее на пустую, и устроился за столом. Из печи появилась картошка, еще теплая, из шкафа хлеб, из подпола огурцы и холодец. Тетка Августа достала четыре стопки, наполнила их пахучей теплой жидкостью и сказала:

– За нашу победу.

После чего все выпили, даже я, потому что за победу грех не выпить. Василий приналег на холодец, Августа на картошку, а мы с Женькой закусили огурцом. Нервам лучше не стало, зато желудок возмутился, теплый самогон пить мне ранее не приходилось, и первый опыт никакого удовольствия не доставил.

– Хороший у тебя самогон, – заметил Василий, с улыбкой глядя на хозяйку.

– Хороший, но с тебя на сегодня хватит.

– Ну, Августа...

– Ничего не ну... Кто забор обещал подправить? То-то... И не лезь с глупостями, мне надо с умными людьми поговорить.

– Вы нам про банника расскажите, – брякнула Женька. – Мы тут встретили одного.

Она поведала о наших мытарствах. Хозяева выслушали

наш рассказ со вниманием, после чего принялись гадать, чья это может быть баня.

– Если рядом с колодцем, значит, либо Тимохиных, либо Вовки Татарина, – сообщил Василий, с вожделением поглядывая на банку, Августа проигнорировала его взгляды и спросила:

– А как он выглядел?

– Кто, банник?

– Ну да, мужик этот.

– В шапке-ушанке, два клыка, глаза блестят, а еще лапа без пальцев, то есть они вроде есть, но не человеческие.

– Вова Татарин, – удовлетворенно кивнула хозяйка. – Он лет десять назад по пьяному делу пальцев лишился, а в ушанке он зимой и летом ходит, говорит, темечко мерзнет.

Я с облегчением вздохнула, ну вот, как я и предполагала, никакой нечистой силы, все понемногу начинает проясняться. Женька же данным обстоятельством вроде бы осталась недовольна.

– Как же так, ведь вы про банника в редакцию писали...

– С банником вот что вышло, – немного стыдась, начала Августа. – Это Веркин муж оказался, он восемь лет назад сбежал, а тут вернулся. Она его в бане и прятала, чтоб мать свою постепенно к этой радости подготовить. Бабке девяносто лет, и она могла не пережить. А Федька, он и раньше на человека особенно похож не был, а тут бродяжил, да и в бане немного одичал. В общем немудрено было его с нечистой

перепутать. А он по пьяному делу по всем баням шарahalся и целую деревню вводил в заблуждение, измучились с ним до невозможности и Веркину баню решили спалить. Верка напугалась, вот тогда и покаялась. Мать ее в больницу свезли, а Федька в дом переместился, но все равно, если его на улице ближе к вечеру встретишь, жуть берет. Верка его при свете разглядела как следует и выгнала, все равно толку нет, раз всегда пьян так, что лыка не вяжет.

– А давно у вас нечисть балует? – заметно повеселела Женька.

– У нас всю жизнь места беспокойные. Болота, лес. То леший водит, то на болоте огни. Иван Иванович говорит, на острове в стародавние времена святилище было, идол стоял, ему жертвы приносили человечьи. Кровью мазались и прыгали вокруг него. Страсть. Вот с тех времен нечисть и шалит. Идола давно нет, а мерзкий дух остался.

– А где этот остров? – спросила Женька.

– На болоте. Кругом болотина, а на острове благодать. А ягод сколько. Раньше ведрами таскали и на дорогу. Как ягодный сезон, так мы с копеечкой. Теперь моста нет, дороги нет, и за ягодами никто из наших не ходит. А дачники пошли и сгинули, хоть говорили им: нечего там делать, на острове огни мерцали, а это не к добру. Последний раз такое было перед войной. Живем как на вулкане, а тут еще связи с цивилизацией никакой, может, вправду война, а мы и не узнаем, пока на голову бомбу не сбросят. Что хоть там по телевизору

говорят?

– Все как обычно.

– И то хорошо... В общем, на остров ходить стало опасно. Там вешки и сто раз хожено-перехожено, а ты вдруг раз – и в воде по пояс. Вот и бросили туда ходить. Ну, Вова Татарин или вот Васька могут на остров и без вешек, но им без надобности. А Вова на той неделе говорил: на болоте нечисто. А Вова знает. Иван Иванович с исследовательской целью туда собирался и едва не погиб. Просто чудом спасся, в самую жижу угодил, хорошо, Василий недалеко оказался, крики услышал и вытащил Иван Ивановича, спас от гибели.

– А кто такой Иван Иванович? – спросила Женька.

– Дачник. Живет в крайнем доме. Выдающегося ума мужчина во всех областях человеческих знаний. Особенно историей интересуется. Мы каждый вечер у него собирались в лото играть. Но как свет кончился, пришлось прекратить. Магазин далеко, а керосин экономим, у кого со старых времен остался. Свечи дело пустое, на час не хватает, горит неровно, и света мало...

Женька продолжила расспросы, но я перестала обращать внимание на дальнейший разговор и вроде бы даже задремала, что и неудивительно, учитывая позднее время, то есть раннее, потому что за окном заметно светлело.

– Ну, вот, – вздохнула Августа, выглянув в окно, – ночь пережили, слава богу. Пойдемте, я вас в сених спать уложу.

Я с трудом поднялась и последовала за хозяйкой.

Сенник оказался маленькой комнатой с низким потолком, бревенчатыми стенами и крохотным оконцем. Там стояли две кровати с железными спинками и горой подушек, некрашенные полы были застелены полосатыми половиками. В целом все выглядело очень мило и к чести хозяйки – опрятно. Я рухнула на ближайшую постель и мгновенно уснула.

Пробуждение было не из приятных. То есть я проснулась, вспомнила, не открывая глаз, где я и что со мной произошло вчера, с тоской подумала о неблагодарном, никогда не любившем меня так, как любила его я, Романе Андреевиче, едва не заревела с досады, посоветовала себе не раскисать, потом решила позвонить Ромке, просто чтоб проверить его наличие в этом мире, а в контакт, естественно, не входить, открыла глаза и... увидела жуткую физиономию. Кто-то смотрел на меня, прижавшись к оконному стеклу.

– О господи, – охнула я и закрыла глаза, подождала и еще раз взглянула на мир. Жуткая физиономия исчезла. Я пощупала свой лоб, не горячий и не холодный, затем посмотрела на часы: половина одиннадцатого, потянулась и позвала Женьку. Подружка тут же подняла голову и пожаловалась:

– Всю ночь чертовщина снилась, то я за кем-то бегу, то кто-то за мной. А под конец козел приснился, и вроде не козел даже и на задних лапах. Скажи, к чему такое?

– К дождю, наверное, – философски ответила я.

– Надо бы сонник приобрести, – вздохнула Женька, – давно собираюсь и все никак.

– Женька, ты сейчас никого не видела? – подумав, спросила я.

– Где? – сразу насторожилась подруга.

– Ну... может, в окно кто заглядывал?

– Анфиса, ты меня пугать завязывай, я с ночи пуганая. Как вспомню... – Договорить она не успела, в дверь громко постучали.

– Девчонки, – позвала тетка Августа, – выпались? Идемте завтракать.

Мы торопливо оделись и покинули сенник. Вошли в кухню. За столом похмелялся Василий. Августа стояла возле плиты, а на скамейке сидел белобрысый подросток, именно его физиономию я и видела в окне несколько минут назад.

– Здравствуйте, – разулыбался он, – это я бабе сказал, что вы проснулись.

– Внук мой, – кивнула на белобрысого Августа, тот поднялся и заявил:

– Иван Семеныч Бородин.

– Очень приятно, – ответила несколько озадаченная Женька, а я нахмурилась.

– А я знаю, как вас зовут, баба сказала, – радостно сообщил подросток.

Я задумалась: что-то в ребенке было не так, то есть все вроде бы нормально, руки-ноги на месте и голова, но как раз с головой что-то не в порядке, в смысле выражения лица, да и радовался он чересчур бурно для своего возраста, если

учесть, что особого повода для радости не было.

Белобрысый опустилсЯ на лавку и весело гукнул, а мы с Женькой насторожились.

— Ваня, поди-ка к Татарину сбегай, чемодан гостей принеси, он возле его бани должен находиться. — Мальчишка убежал, а хозяйка, накрывая на стол, сообщила: — Внук у меня не в себе малость, папаша хронический алкоголик, да и мать, если честно, не намного лучше. А он парень добрый, опять же жалко, вот и взяла его к себе. Что ему в городе делать, одни тычки да насмешки, а здесь на свежем воздухе и не обидят.

Мы с Женькой кивнули, и я перевела взгляд на самогонный аппарат, он все еще функционировал, банка заметно наполнилась.

— Давайте за стол. — Под моим напряженным взглядом тет-ка Августа взяла банку и принялась разливать жидкость в стопки.

— Давайте, — вдумчиво сказал Василий. — За то, чтоб еще раз встретить солнце.

Мы выпили, но я твердо пообещала себе, что это в последний раз, и покосилась на Женьку. Покосилась, честно сказать, со злостью. Ночные страхи теперь казались мне несусветной глупостью, и стало ясно, что приехали мы сюда напрасно, батюшка прав: все здешние беды от самогонных аппаратов.

Только мы приступили к трапезе, как дверь хлопнула, я

повернулась и от неожиданности вздрогнула. В кухне в сопровождении Ивана Бородина появился вчерашний банник. Это был мужичок неопределенного возраста, в шапке-ушанке, с рыжими патлами и небритый. Он весело скалился, демонстрируя два оставшихся у него зуба, крупных, желтых и в самом деле здорово похожих на клыки. Однако, несмотря на это, мужик устрашительно не выглядел, а даже наоборот, комично, и теперь я терялась в догадках, с какой такой стати мы вчера так перепугались.

С заметным трудом дядька внес наш чемодан и пристроил его в трех шагах от порога.

– Здравствуйте, – радостно приветствовал он нас, косясь на стол, украшением которого являлась пол-литровая банка с самогоном.

– Здравствуйте, – недружно ответили мы.

– Садись, – кивнула гостю Августа. – Рассказывай, как вчера моих девок напугал.

Вова Татарин выпил, закусил, весело ухмыляясь, после чего принялся рассказывать:

– Я вчера поздно вернулся, Зинка за керосином посылала. Я на мотоцикл – и вперед, выполнять задание, заехал к куму, выпили малость, вот я и припозднился, забыл, что Зинке обещал воды натаскать для полива. Она разгневалась, а я, чтоб ей глаза не мозолить и в грех не вводить, ушел в баню. Вдруг слышу шаги, идет кто-то, а так как с некоторых пор в деревне у нас подозрительные дела творятся, решил взгля-

нуть. Выхожу. Мать честная, никак русалки. Увидели меня и в разные стороны – прысь. Я сначала заволновался, потому что по ночам добрые люди не ходят, а у нас нечисть шалит. Думаю, не иначе видение мне было, и думал так до тех самых пор, пока чемодан не увидел. Тут ясно стало, кого-то на ночь глядя из города принесло. Взял я чемодан, в бане спрятал, чтоб вещи не пропали, а сам домой пошел. Не успел раздеться, слышу стук в окно... Думаю, девки, наверное, так и есть, а они врассыпную, сказать ничего не успел. – Вова хихикнул, Августа нахмурилась, Василий молчал, а я чувствовала себя дура душой. Женька, должно быть, ощущала себя не лучше, на лице подруги отчетливо читалось недовольство. – Вещи в целости и сохранности, – сообщил Вова и подмигнул нам. Мы поблагодарили его, а Василий снова стал разливать, начав с нас, но Женька этому воспрепятствовала, убрав наши стопки.

– Извините, – сказала она сурово, – мы на работе. Нам надлежит разобраться, что у вас тут происходит.

– Да уж, разберитесь ради Христа, – закивала Августа, – никакого житья не стало.

Женька взглянула на Вову Татарина и решила, как видно, учинить ему допрос.

– Августа Поликарповна говорит, вы всю округу хорошо знаете?

– Знаю, – порадовал он.

– И болота?

– И болота.

– И на острове были?

– На острове давно не был. Хоть Иван Иванович и уговаривает, но не пойду.

– Почему? – насторожилась Женька.

– Там Кукуй поселился, – совершенно серьезно ответил Вова.

От такого ответа мы малость оторопели, я продолжала пребывать в недоумении, а Женька быстро очухалась и спросила:

– Какой Кукуй?

– Обыкновенный. Он не хочет, чтоб люди на остров шли. Кто идет, того в трясину заманивает. Оттого и гибнут. Небось слышали, сколько у нас народу пропало? А все оттого, что на остров шли, а я предупреждал: нельзя.

– Этот Кукуй, он кто вообще такой? – подозревая подвох, продолжала расспрашивать Женька. – То есть к какой религии он относится?

Вова задумался, но ненадолго.

– Кукуй, он и есть Кукуй, а к чему относится, я вам не скажу, сам не знаю. Он очень древний, раньше Христа и Магомета, и вообще был здесь раньше, чем сюда люди пришли. Так Иван Иванович говорил. Он где-то в книжках читал. А тесть, когда жив был, имел свои приметы, – глянет утречком в сторону болота и скажет: «Сегодня туда нельзя, Кукуй не хочет», а в другой день можно. Меня тоже кое-чему на-

учил. И я вам скажу: на болото никак нельзя, Кукуй не хочет. Слышь, Августа, вчера возвращаюсь на мотоцикле, стемнело, гляжу, а на острове огонь, махонький, но я углядел, и что ты думаешь, как пошло меня водить, три раза к Марьиной горе возвращался.

– Ничего удивительного, – пожала плечами тетка Августа.

– Да уж. – Все дружно вздохнули, но я рассказом Вовы не прониклась, и никакой Кукуй на меня ни малейшего впечатления не произвел. Может быть, потому, что за окном уже вовсю жарило солнце и всякой нелепице там не было места.

– Спасибо за завтрак, – сказала Женька, поднимаясь, и я встала вслед за ней. – Пойдем по деревне пройдемся, поговорим с жителями.

– Пройдитесь, – кивнула Августа, – только к Верке не ходите, она через дом живет по нашей стороне, уж до чего язык у бабы поганный... не передать.

Поблагодарив за напутствие, мы покинули дом, правда, перед этим затащили чемодан в сенник, переоделись и привели себя в порядок.

Иван Бородин, поджидавший нас на крыльце, увязался с нами. Не успели мы сделать и десяти шагов, как заметили группу женщин, они сидели на скамейке возле соседнего дома и что-то горячо обсуждали. Мы приблизились, разговоры разом стихли, все четверо выжидающе смотрели на нас, мы поздоровались, нам вразнобой ответили, и женщина лет шестидесяти в белом платочке спросила:

– Это вы из газеты?

– Мы, – покаялась Женька.

– Насчет электричества?

– И насчет электричества тоже. Как у вас вообще дела в деревне?

Женщины сдвинулись на широкой лавке, давая нам место, и та, что в белом платочке, заговорила:

– Без света сидим. Симаковы, два брата, провода срезали, четыре пролета. Это ж в какие деньжищи нам встанет свет провести, страх подумать. А Симаковым хоть бы что, ничего не докажешь, хоть и точно знаем, что они.

– Зачем они провода срезали? – встряла я и удостоилась изумленных взглядов.

– Как зачем? Оба пьяницы, нигде не работают. А нам теперь что делать? Участковый говорит, свет нам провести обязаны, только я в это не верю. У местного начальства денег нет, вот и выйдет сказка про белого бычка. Вы уж в газете напишите про нашу беду, может, тогда обратят внимание.

– Обязательно напишем, – кивнула Женька. – А вот Августа Поликарповна утверждает, что в вашей деревне, кроме отсутствия электричества, происходит много чего нехорошего.

– Это про нечисть, что ли? – хмыкнула женщина в платке. – Гутька с утра опохмеляться начинает, а как у Васьки жена померла и он к Гутьке, считай, перебрался, так они вообще не просыхают, вот и гоняют чертей. А еще Иван Иванович

сказки рассказывает. В том году внучке моей таких страстей наплел, она из дома выйти боялась. А ведь взрослый человек. Нехорошо это...

— А кроме рассказов, ничего не беспокоит? — нахмурилась Женька.

— Как же, вон у Валентины ложки украли. Кто-то в дом влез, пока она в огороде была, и ложки утащил.

— Ложки? — не поняла я.

— Ага, — кивнула женщина в синем рабочем халате. — Серебряные, от мамы достались. Надо было их Симке отдать, дочери. А я не сообразила, теперь вот нет ложек. Две штуки, маленькие такие, красивые, и Иван Иваныч говорил, чистое серебро... этот... антиквар... Больших денег стоили.

— Кого-нибудь из местных подозреваете? Или в деревне чужие были?

— Кого ж подозревать, кто в окошко полезет? — вздохнула Валентина. — На детей подумать, так в деревне один ребяенок, вон Ванька, а на что ему ложки? Сказала участковому, он только рукой махнул, говорит, ищи лучше. Может, и впрямь куда сама засунула да и забыла.

Рассказ о ложках на Женьку никакого впечатления не произвел, и она вновь подступила с расспросами.

— А люди на болотах действительно пропадают?

— Это точно, — кивнули все четверо. — На болотах нечисто. Как не пойдешь за ягодой, так непременно водить начинает. И водит, и водит, я один раз уж решила, все, сгину в боло-

тине, не знаю, как и выбралась.

– Водит, – согласились остальные женщины, – а раньше дети по вешкам ходили, и ничего. Редко-редко кто пожалуется, а теперь и мы не ходим, боимся. За деревней ягод наберешь, а чтоб на остров – ни-ни.

– А кто водит? – нахмурилась я.

Женщины пожали плечами.

– Как ни назови... у нас говорят Кукуй... – Я невольно поморщилась, ну вот, пожалуйста, опять Кукуй этот глупый. – Как люди пропадать стали, мы и вовсе туда ни ногой. Участковый пошел проверить, да только чудом не погиб. Обратились к батюшке, в том году крестным ходом вокруг деревни ходили, не помогло. Отец Сергей говорит, это вам наказание за то, что часовню ограбили, за чудотворную икону и кружку. Наверное, так и есть.

– Деньги из кружки Вова Татарин взял, – вздохнула одна из женщин, – ему на чекушку не хватало.

– Это он сказал? – заинтересовалась Женька.

– А что ему говорить, он в тот день с перепоя маялся, у Зинки выпить просил, а она ни в какую и бабам наливать ему не велела. А кто ж с его Зинкой свяжется, вот и не наливали. Вовка исчез, а к вечеру Люська пошла в часовню свечку задуть, боимся, не сгорела бы часовня, на ночь запираем и огонь гасим, а кружки нет. Там было-то двенадцать рублей. Татарин и спер. Он один у нас басурман, опять же здорово мучился. Но икону Вова не брал, зачем ему икона? И пропа-

ла она вечером, а он вечером у кума был и вернулся только к утру. Икона чудотворная, от дедов-прадедов, а как пропала, так не стало порядка. С болота вой идет, люди огни видели...

– И на старой мельнице ночами светится, – кивнула Валентина. – Своими глазами видела, малюсенький огонек, и вроде кто шепчет что-то.

– А где эта мельница? – насторожилась Женька.

– За деревней, прямо на реке, километра полтора отсюда. Посмотреть хотите?

– Надо бы взглянуть, – пожала Женька плечами. Мы еще немного поговорили... Тут к одной из сидевших женщин подошла собачонка, пятнистая дворняжка, ткнулась носом в ее руку, устраиваясь рядом, а я спросила:

– У кого в деревне большая собака? Серая или черная. Лохматая, вроде кавказца.

Женщины в недоумении переглянулись.

– У наших одни дворняжки, больших собак никто не держит.

– Как же так, – не поверила я, – мы ночью видели...

– Может, прибежала откуда? – пожали плечами женщины. – Хотя вряд ли...

– Зимой Зинкину собаку задрали, – напомнила Валентина, – говорили, волк.

– Для волка слишком крупный, – вслух подумала я, хотя, если честно, имела весьма смутное представление о волках. Тут я обратила внимание, что Иван Бородин, до того

момента устроившийся в сторонке прямо на земле, жующий какую-то травинку и не обращающий внимания на наш разговор, вдруг насторожился. Уставился на меня, приоткрыв рот, вроде бы даже испуганно.

– Это не собака, – заявил он, – оборотень. Он с болота ходит, кувырк через голову – и поминай как звали. Я его чуть не выследил, но он бежит быстро. А на болото идти за ним страшно, надо здесь ловить.

Мы некоторое время молчали, переваривая информацию, затем Валентина сказала, махнув рукой и обращаясь к Ивану:

– Да будет тебе...

А у меня возникла настоящая потребность прогуляться. Мы с Женькой направились по деревенской улице, и Иван с нами.

Никого из жителей мы больше не встретили, поднялись на пригорок и оказались возле небольшой часовни. Сообразив, куда мы идем, наш сопровождающий исчез, не говоря ни слова.

Часовня была деревянной, увенчана луковицей, выкрашенной в голубой цвет. Двустворчатая дверь заперта на задвижку. Оглядевшись и никого не обнаружив поблизости, мы открыли дверь и заглянули в часовню. Если честно, в ней не было ничего интересного: ниша, должно быть, предназначенная для иконы, ныне пустовала, лампадка, большой подсвечник, две стеклянные вазы, на полу половичок в пеструю

полоску. Без иконы часовня выглядела сиротливо. Мы дружно вздохнули, заперли дверь и устроились в трех шагах на зеленой травке.

– Что скажешь? – спросила Женька.

– Икону свистнул кто-то из приезжих. Свои вряд ли бы рискнули, секреты здесь не держатся, а за чудотворную икону могут и по шапке дать.

– Ага, – вяло согласилась подружка. – А в остальном?

– Что ты имеешь в виду? – удивилась я.

– Разгул нечистой силы, естественно, – сказала она, даже не улыбнувшись.

– С нашей хозяйкой все ясно, – ответила я. – Батюшка прав, подрыв экономики, то бишь госмонополии на водку, свое дело сделал: Августа Поликарповна предалась фантазиям. Вова Татарин тоже всегда пьян, как и Василий.

– Но прочие бабки на запойных не похожи, – задумчиво произнесла Женька, оглядываясь.

– Ну и что? Люди живут без электричества, места глухие... только не говори, что ты веришь во всю эту чепуху... Кукуй по болоту водит... надо же придумать такое. Могли бы назвать его как-то поприличнее.

– Да, имя у чертовщины не впечатляет, фольклор здесь еще в цене, это ясно. Давай прикинем, что мы имеем. Есть деревня, довольно интересно расположенная, есть болото, на котором остров, с некоторых пор труднодоступный. На болоте и в старой мельнице видят огни, а началось все это при-

мерно в одно время с исчезновением чудотворной иконы.

– Это за уши притянута, – возмутилась я. – Не можешь же ты всерьез решить, что здесь замешано нечто потустороннее. Я понимаю твоё желание наскрести материала хоть на крошечную заметку, но Кукуй – это неприлично. Из-за него не стоило тащиться за полторы сотни километров. Напиши о бедственном положении сельчан, оставшихся без света. В конце концов, попытайся добиться, чтоб эти братья Симаковы понесли заслуженную кару... Слушай, я так и не поняла, зачем им понадобилось провода срезать?

– Ты, Анфиса, совершенно темная, – вздохнула подружка. – Провода – это цветмет, денег стоит. Сдали во вторсырьё...

– Но ведь люди, которые у них вторсырьё принимали, должны были видеть, что берут...

– Анфиса, не тревожь меня, – взмолилась Женька. – Ты словно первый день на свете живешь. Конечно, видели и наверняка знали или догадывались, что цветмет свистнули. Ну и что? Им на это начихать.

– Вот об этом и напиши, – возмутилась я.

– Об этом никому не интересно, это и так все знают, – вздохнула Женька. – Давай вернемся к нашим баранам, то есть к Кукую. Ты веришь, что в Липатове что-то происходит?

– Я тебе уже сказала, твой дурацкий Кукуй никуда не годится. Даже для детских сказок.

– А собака? – покусав губу, спросила Женька.

– Какая собака?

– Про которую ты сама спрашивала.

– Ты же слышала, собака могла прибежать из другой деревни.

– Через болото?

– Может, здесь еще дороги есть, мы же не спрашивали. Точно есть, раз Вова Татарин к куму на мотоцикле ездил, выходит, и собачка вполне могла... Женя, надо искать лодку и возвращаться. Желательно до темноты.

– Значит, ты считаешь, ничего здесь нет?

– В смысле чертовщины? Конечно. И ты так считаешь, просто злишь меня и валяешь дурака.

– Конечно, Кукуй – ужасная глупость, – вздохнула подруга, – но что-то во всем этом есть. Я пока сформулировать не могу. Люди не просто так исчезли...

– Женя, здесь болота...

– Слышала, бабка сказала: на болоте вешки, дети запросто бегали, а теперь Вова Татарин плурует.

– Вова Татарин, с его привычкой пить с утра, может плутовать меж двух сосен.

– Конечно, я и сама так думаю, – не стала спорить Женька, что в общем-то было странно. – Однако чувствую: что-то в этой деревне происходит. Нормальные люди, пусть и любители выпить, по ночам с кольями сидят.

– Они сами себя пугают.

– Ага. А еще этот Иван Иванович. Не мешало бы с ним

познакомиться. Историк и фольклорист. Не оттуда ли уши растут.

– Хорошо, – пожала я плечами. – Давай познакомимся с этим типом. Хотя лично я поговорила бы с участковым.

– К участковому тоже заглянем. Мне кажется, что стоит задержаться здесь на пару деньков.

Предложение не показалось мне особенно заманчивым. Я понятия не имела, что мы будем здесь делать столько времени, но у подружки было такое выражение лица, что возражать я не стала.

Что-то Женьку беспокоило. Если честно, и меня тоже. Я немного покопалась в себе и пришла к выводу: мучает меня ночная собака. Хотя с какой стати? Но мучает. Не она, конечно, а то, что Женька права: взяться ей в общем-то неоткуда, карту я изучила тщательно, выходило, либо живность шла через болота, что, с моей точки зрения, маловероятно, либо сделала гигантский крюк. Интересно, зачем ей это понадобилось? «Анфиса, прекрати ломать голову над всякой чепухой», – сказала я себе, но это не подействовало. Подозреваю, то же самое происходило с Женькой, вид у нее был несчастный, и у меня, наверное, не лучше. В общем, я согласно кивнула, все равно домой торопиться не стоило, кто меня там ждет? А если ждет, пусть немного помучается, ему полезно... Я вдруг заскучала и почувствовала желание зареветь. Чтоб избавиться от нахлынувших эмоций, я попросила:

– Расскажи мне про Холмогорского.

– Про убийство? – подняла брови Женька и широко улыбнулась. Меня это разозлило.

– Чего ты лыбишься?

– Да брось ты, Анфиса, – сморщила она нос. – Я понимаю, это профессиональное, ты же автор-детективщик, убийство – твой хлеб. Но рассказывать особо нечего. Холмогорский был неплохим художником, книги писал, в основном автобиографические, детство его прошло в этих местах. Когда ему было чуть больше двадцати, он оказался за границей и решил там остаться. Как ни странно, за границей он преуспел, но не на художественной ниве, а на сугубо коммерческой, и, как часто случается с русским человеком, чем больше богател, тем ему больше хотелось смысла жизни. Сколотив весьма солидное состояние, он в преклонных годах вернулся на родину. Жена у него к тому времени умерла, детей не было. Сам себе хозяин, оттого и затеял создать здесь музей своего имени, дворянскую усадьбу, каковая действительно имела место быть, но к моменту появления здесь Холмогорского выглядела крайне плачевно. Десять лет назад в усадьбе был дом инвалидов или дурдом, как говорят местные, но даже их перевезли куда-то из-за ветхости помещений. У Холмогорского с властями наметилось полное взаимопонимание. Старинный дом он отремонтировал, парк расчистил, пруд углубил, мосты через него возвел заново. В общем стало не хуже, чем в Михайловском. Этим Холмогорский всегда гордился. Но не только отреставрированной

усадьбой он надумал порадовать земляков. Сам художник, он всю жизнь коллекционировал картины. В основном русских мастеров. Особых шедевров в его коллекции, сказать справедливости ради, не было, но имена известные и коллекция серьезная, практически весь русский девятнадцатый век представлен. Особенно интересны были усадебные портреты из имения Салтыковых. Кое-что чудом сохранилось в запаснике музея. Постоянно бывая в музее, Холмогорский нашел там свое счастье, то есть женился на женщине, которая уже двадцать пять лет работала в музее искусствоведом. Она ему очень помогала. Открытие музея действительно обещало стать событием не только в культурной жизни области. Чтобы разместить все задуманные экспозиции, срочно отrestaвировали бывшие конюшни и ряд подсобных помещений. Работа шла без перерыва, и жизнь там была ключом. Три года назад, на октябрьские праздники, рабочие разъехались, супруга Холмогорского находилась в Москве по делам, а он остался в доме в обществе сторожа, тоже весьма почтенного старца. Ничто, как говорится, не предвещало беды. Дом хоть и недалеко от села, но стоит на отшибе, к тому же окружен парком. Короче, никто ничего не слышал и не видел, пока утром кто-то не обратил внимание, что в усадьбе горит свет. Кинулись туда всем селом и нашли Холмогорского в его кабинете с проломленным черепом возле открытого сейфа. Вскоре обнаружили и труп сторожа в саду, под кустами. Должно быть, старик что-то услышал ночью и вы-

шел проверить.

– В доме были ценности? – спросила я. – Я не картины имею в виду...

– Были, – кивнула Женька. – Реставрация дело дорогое, хозяин расплачивался наличкой, а хранил ее в сейфе. Сколько там было, точно неизвестно, но по прикидкам никак не меньше двухсот тысяч долларов. – Я присвистнула, а Женька кивнула. – Вот-вот. Сейф хозяин открыл сам, должно быть, под угрозой смерти. Вместе с деньгами исчезли двенадцать наиболее ценных картин, холсты просто вырезали из рам.

– И что, в доме не было сигнализации?

– Не было. Ни сигнализации, ни охраны, собаки и той не было. Только сторож. Правда, на окнах решетки и дверь внушительного вида... Дело в том, что места здесь глухие, все люди на виду, никто не ждал такого поворота событий. Все дороги в районе были немедленно перекрыты, Холмогорского здесь любили и уважали, схватить убийцу стало делом чести. Как он или они ушли, уму непостижимо. В обход нельзя – кругом болота, да и операцию по поимке преступников проводили не для отмазки. Работали собаки, след потеряли возле шоссе, которое, кстати, вело в Липатово. И все. Преступники как в воду канули. Украденные картины, кажется, до сих пор нигде не всплыли, хотя это ни о чем не говорит. А доллары и вовсе не проследишь.

– И что, никаких следов? – не поверила я.

– Никаких.

– Так не бывает. Прежде всего, убийцы были хорошо осведомлены о том, что хозяин в доме один, да и о том, что в сейфе доллары, должны были знать наверняка.

– Само собой, – кивнула Женька. – Менты здесь носом землю рыли, но... вроде подозревали одного из рабочих, однако доказать ничего не смогли. Целых полгода здесь сыскари сидели, по ходу дела столько преступлений раскрыли, от угона скота до кражи магнитол из машин, но на след убийц Холмогорского так и не вышли. Музей стараниями его жены открыли, но сама она по понятным причинам здесь не живет, хотя со всем рвением продолжает дело мужа. В общем, детектив ты из этого вряд ли сляпаешь.

– Это уж точно, – кивнула я, поднимаясь с травы.

– До чего ж здесь места красивые, – вздохнув полной грудью, мечтательно заявила Женька.

Не согласиться с ней было невозможно. Места действительно красивые. Река, часовня на холме, слева поля с перелесками, сзади сплошной стеной лес, а над всем этим голубое небо, яркое солнце плюс пение жаворонка и прочие сельские удовольствия.

– Если уж мы решили здесь остаться, не худо бы жилище себе подыскать, – заметила я.

– Чем тебе у Августы не нравится? – усмехнулась Женька.

– Я по ночам спать привыкла, а у нее заняться этим нет никакой возможности. К тому же тетка явно спятила, меня просто дрожь берет от заостренных кольев, и еще одного

окропления святой водой я могу просто не выдержать.

– Давай попробуем найти что-нибудь получше, – согласилась Женька. – А сейчас я бы наведалась к Ивану Ивановичу. И мы зашагали к деревне.

Женщины все еще сидели на скамейке, правда, теперь уже втроем.

– Прогулялись? – спросила нас Валентина. Мы кивнули, а она продолжила: – Вы к нам надолго?

– Пока с вашим Кукуем не разберемся, – засмеялась Женька. Женщины тоже засмеялись, я хихикнула из солидарности и тут почувствовала чей-то взгляд, повернула голову и успела заметить на крыльце молодого человека: узкое лицо, борода клинышком, колючий взгляд. Он торопливо прикрыл дверь, и видеть его я больше не могла. Непонятно, с какой стати, но эта встреча мне не понравилась, более того, я почувствовала нечто напоминающее страх. Нет, в самом деле что-то не так в этом Липатове. – Ты видела? – шепотом спросила Женька, едва мы немного удалились от дома.

– Ты имеешь в виду этого типа?

– Конечно. Рожа, по-моему, на редкость противная.

– Рожа как рожа, – не стала я преувеличивать, – но взгляд мне не понравился. Надо бы выяснить, что это за тип.

– Выясним, – кивнула Женька.

Деревенская улица сделала плавный поворот, мы сверну-

ли, и вскоре очам нашим предстал дом с колоннами и верандою, издалека похожий на постройку девятнадцатого века. Приглядевшись, я поняла, что построен он не так давно, примерно в шестидесятых годах, может, чуть раньше. Дом окружала ограда на кирпичных столбах, которые не мешало подновить, глаз радовали ворота, распахнутая настежь калитка и парк. С такого расстояния ничего больше разглядеть не удавалось, до усадеб было довольно далеко.

– Что это такое? Дом Ивана Ивановича? – выдвинула я предположение.

– Нет, – серьезно ответила Женька. – Больше похоже на санаторий. Правда, я ни о каком санатории не слышала.

– Я тоже, – кивнула я в ответ, и мы затоптались на месте, вожаденно оглядываясь в поисках живой души, способной просветить нас.

Окно дома по соседству распахнулось, и мы узрели старушку, которая, не говоря ни слова, внимательнейшим образом принялась нас разглядывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.